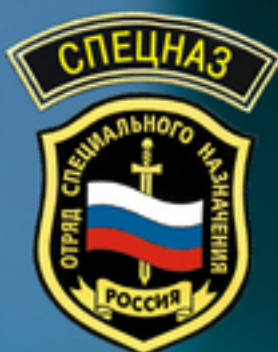

Никто, кроме нас! Российский спецназ!

СЕРГЕЙ

Зверев

БАСТИОН

Гавайская петля

Бастион

Сергей Зверев

Гавайская петля

«Научная книга»

2010

Зверев С. И.

Гавайская петля / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2010 — (Бастион)

Всемогущий Орден – тайная организация российских коррупционеров – наконец-то победил своих заклятых врагов из «Бастиона». Он физически устранил оппозиционных лидеров и посадил в президентское кресло своего человека. Теперь в планах Ордена – контроль над западными политиками и финансистами. А там недалеко до полного контроля над планетой, ее финансами и природными ресурсами. Но генералы Ордена не учли одного: лучший боевик «Бастиона» Павел Туманов не сломлен и готов бороться до конца...

© Зверев С. И., 2010

© Научная книга, 2010

Сергей Зверев

Гавайская петля

– Вам принести что-нибудь, мистер?

Туманов вздрогнул, оторвался от проспекта. Опять не удалось обрести гармонию с собой и миром. Бывает. Восемь лет не удается. Над ним склонилась сексапильная афроамериканка – черная, как египетская ночь. Каково с такой, интересно – безлунной ночью, на черном постельном белье? Отличный вариант для ценителя экзотики – огромные олени глаза с пушистыми ресницами смотрели с дежурной чувственностью, губы – пухлые от природы – слегка приоткрылись. Что же принести ему – убежденному борцу со здоровьем?

– О'кей, мэ, принесите что-нибудь, – вздохнул он. – Виски не затруднит? Минут через десять, хорошо?

– Конечно, мистер. – Стюардесса блеснула белозубой улыбкой и, покачивая бедрами, отправилась дальше. А он углубился в анализ своих крамольных мыслей. Приближение курортного рая сказывается? «Не увлекайся там нашим братом, Пашенька, – грустно напутствовала на прощание Дина Александровна Красилина. – Понимаю, что не имею на тебя законных авторских прав; кто я такая, чтобы ограничивать тебя в удовольствиях? Так, приживалка, бесприданница...» – «Как не стыдно, родная, – с видом оскорбленной добродетели возмутился Туманов. – Я верен тебе, как лебедь, и предан, как собака. А еду не отдыхать, а на свой последний и решительный...» – «Послушай, лебедь, – Дина перебила пламенную речь и приложила палец к его губам, – мы вроде договорились еще в минувшем тысячелетии – когда судьба нас разлучает, случайные сексуальные связи допустимы и даже неизбежны, как посещения, скажем, булочной, поскольку люди мы с тобой живые и активные. Я другое хочу сказать – за страстью к пороку ты можешь пропустить что-то жизненно важное, а мне бы не хотелось стать вдовой в неполные сорок лет («Почему в неполные?» – недоуменно подумал Туманов) – хотя, если вдуматься, я и вдовой-то не стану, поскольку мы с тобой ни разу не были женаты».

«Это безобразие нужно исправлять, – размышлял Павел, провожая взглядом сексуальную стюардессу. – Восемь лет любимая женщина ждет от тебя четырех заветных слов (ну, хотя бы трех), а ты ведешь себя, как сбежавшая невеста. Поклянись – хотя бы себе: вернешься живым – купишь кольцо и сделаешь предложение. Пусть сама решает».

«Боинг» выходил из зоны облачности. Густые продукты конденсации водяного пара делались разреженными, распадались на летучие хлопья, и вот горячее солнце опалило висок. Туманов потянулся через спящего соседа, опустил шторку. Мужчина с парой лишних подбородков беспокойно всхрапнул. Где-то впереди монотонно бубнил ребенок – то ли азбуку осваивал, то ли молитву. Крупная дама с избытком андрогенов, грубым лицом и низким голосом перестала общаться с соседкой на языке Сент-Экзюпери и Мопассана, повернула голову и с интересом уставилась на Туманова. «Могу принять ваши ухаживания, месье», – сообщил красноречивый взгляд. Павел поежился.

Сначала он почувствовал физиологический позыв. Это нормально, ни разу не вставал, можно сходить по сугубо личному делу. Привстав, он обозрел тылы – очередь у туалетов вроде бы рассосалась. Выбрался в проход – мужеподобная дама вскинула так называемые ресницы: как, мужчина, уже уходите? Он вежливо улыбнулся и отправился в хвост салона. «Боинг» шел в эшелоне, время в пути больше двух часов, пассажиров разморило, многие спали. Он автоматически оглядывал их лица, подмечал детали одежды – привычка, возведенная в степень. Словно человек, читающий по диагонали страницу, Туманов мог окинуть взглядом группу людей и загрузить уйму информации в череп, а потом извлекать по мере надобности, отбрасывая лишнее. Вот американец в хороших ботинках, пахнувший дорогим деревом и специями, растянулся в кресле, как солитер в кишечнике, выставил ногу в проход. Вот офисная крыса с

бледным лицом, носитель «синдрома менеджера» – жертва невроза и вегето-сосудистой дистонии, – нервно спит, комкая галстук. Вот деловая женщина, не нуждающаяся в самцах, задумчиво почесывая лоснящийся нос, рассматривает диаграммы в лэптопе. Некоторые люди лениво открывали глаза, но смотрели не на Туманова, а куда-то сквозь.

Дойдя до туалета, он почувствовал взгляд. Придирчивый и не праздный. Резко повернулся, окинул взглядом салон. Ни одного лица! Только спинки кресел и отдельные затылки. Да еще филейная часть стюардессы, которая где-то вдали согнулась под прямым углом и выполняла свои прямые обязанности. Человек, пославший недвусмысленную «телепатеку», успел отвернуться. Туманов заперся в санузле. Пот катился со лба. В животе все оборвалось, и даже ладони вспотели. Так бывает, когда влюбишься. Но вроде не влюблялся. И здесь его вычислили? Каким образом эти люди появляются там, где их быть не должно? Маячок в организме? Тут уж не до шуток. Пару месяцев назад он на полном серьезе посетил частный рентгенологический кабинет и попросил изумленного специалиста исследовать его тело на предмет инородных добавок. Скрупулезное обследование аномалий не выявило, и Динка долго хихикала, советовала позвонить своему лечащему психиатру. Но почему такое происходит? «Альтернативная» математика – параллельные прямые время от времени пересекаются?

Кто-то хотел войти – дверная ручка судорожно дернулась. Блокировка не позволила открыться. Туманов взмок. Как ребенок, право слово. Чего боимся, Павел Игоревич? Ворвется мужеподобная пассажирка с воплем «Возьми меня, мон шер!», прижмет к унитазу и цинично надругается? Он сделал свое личное дело, вышел из туалета. Под дверью подпрыгивала крохотная филиппиночка с бантом на макушке. Туманов улыбнулся девочке, она проشمыгнула у него под локтем и заперлась в туалете.

Павел проследовал на свое место, сел. Стюардесса принесла виски в граненом бокале. Он любезно поблагодарил, девушка чарующе улыбнулась. Полезен ли алкоголь в жару? Он сделал маленький глоток, закрыл глаза, чтобы странной даме через проход не пришлось в голову что-нибудь неожиданное. Из памяти выгружались лица пассажиров, сидящих в хвосте салона. Могло и почудиться. Интуиция работает по собственным правилам. В каждом правиле имеются большие и малые исключения. Слишком много на него свалилось в последнее время. «Мастер подсказок» может ошибаться. Он не глас божий. Туманов просто взвинчен. А если допустить невероятное и за ним действительно пристроился хвост, то вряд ли злоумышленник что-то предпримет в самолете. А лететь до райского местечка еще не меньше трех часов. Он должен заняться медитацией, очистить разум от внешнего мира, уйти в медицинский транс – целебное состояние, в котором человек получает вдвое больше отдыха, чем во время сна...

Закрыв глаза, и сознание завертелось в веселом водовороте. С полезным трансом сегодня явно не ладилось. Возникла картинка на экране монитора. Она преследовала его постоянно, во сне и наяву, мешала жить. Заснятое на камеру лицо убийцы Листового и двух его телохранителей. Эту рожу, небритую, с безжизненными глазами, Туманов частенько лицезрел в зеркале, особенно с похмелья...

Память неслась по событиям четырехмесячной давности. Усилия Ордена не пропали даром. Любимое занятие этих благодетелей человечества – забивать миру баки – на данном историческом этапе завершилось успехом. Борис Семенович Немчинов накануне мартовских выборов в России снял свою кандидатуру на пост президента. Оглушительная сенсация – впрочем, не для всех. Запад замер – обиженный и оплеванный. Немчинов сохранил мину, улыбался перед камерой, говорил, что не готов пока принять на себя такую ответственность, и убедительно просил журналистов не ломать копыя и не строить фантастические версии по поводу его решения. Фантазировать и не пришлось. Планы некоторых российских деятелей (все они входили в организацию с названием «Бастион») в отношении промывки мозгов Немчинова стали достоянием мировой общественности. Мир припал к телеэкранам. Разразился невиданный скандал. Указом Верховного бюро Директории были арестованы влиятельные члены

«Бастиона» (в прессе, впрочем, слово «Бастион» не упоминалось) Голиков, Поляков, Шейнис. Застрелили при попытке к бегству заместителя директора Государственной службы безопасности Лазурина. Отдельным заговорщикам удалось скрыться, в частности Штраубу – бывшему куратору Туманова. Он просто пропал – искали пожарные, искала милиция... Терял очки второй претендент на высокий пост – генерал Окатышев. В прессу просочились разоблачительные сведения о жестоком обращении с подчиненными, о пренебрежении к жизням местных жителей (в том числе и русских) при проведении войсковых операций. И еще одна сенсация – буквально за две недели как на дрожжах выросла популярность третьего кандидата – Василия Власова, Первого секретаря Временной Директории. Люди с изумлением узнали, что под его чутким руководством страна за два года поднялась с колен и уверенно смотрит в будущее. Пиар был красивым. Вознесение Власова стало настоящим произведением искусства. Образец, как пудрить мозги. Это чем-то напоминало предвыборную кампанию 96-го года, когда уставшая от бардака Россия непонятно с какого перепуга вторично проголосовала за ненавистного президента, а потом понять не могла, какой же бес ее попутал. Законно избранный президент переехал в Кремль. Третья сенсация не замедлила проявиться. Неожиданно для всех был объявлен курс на либерализацию, разоружение и сближение с Западом. Власов согласился на невиданные уступки – сократить армию, предоставить республикам Северного Кавказа расширенную автономию, объявить выборы в Госдуму, сбросить цены на газ, учредить корпорацию «ИНТЕРГАЗ» и привлечь к ее работе на паритетных условиях представителей западного бизнеса (то есть фактически отдать сырьевые запасы на растерзание). Немчинов, сбежавший из России и прятавшийся где-то в Европе, кусал локти и лил крокодиловы слезы – ведь это были его планы! За всеми этими событиями явственно просматривались уши Ордена, который с некоторых пор стал действовать умнее и взвешеннее. Понятно, что никто не зомбирова Власова – он всю дорогу был марионеткой. Власов выполнял приказы, поступающие из Капитула. Программа помощи России, приостановленная месяц назад, потихоньку заработала. Эмиссары МИДа потянулись на Запад и в Америку – молодые, интеллигентные, хорошо одетые и воспитанные, готовые всеми силами растопить лед недоверия. Они искренне предлагали: «Давайте дружить! Давайте работать! Вы – нам, мы – вам!» Знающие люди, и Туманов в том числе, не сомневались – Орден решил всерьез подружиться с Западом. С конкретными политиками и финансистами. А уж как привязать их к себе надежным поводком, Орден знал...

Вопросов о будущем России больше не возникало. Орден поумнел. Разруха на седьмой части света была не тем фактором, с помощью которого достигается мировое господство. Вопросы возникали другие – о будущем остального мира...

Но Туманова эти сложности не волновали. Он отдавал себе отчет – рокировка состоялась не без его участия. Кто швырнул в глаза Немчинову правду-матку? Предателем он себя не считал. А вот обманутым – конечно. Святое дело после такого – восстать против организации, взявшей за моду подсылать к тебе убийц.

Последние события, из которых он с таким трудом выбрался, подстегнули решимость. Хватит. Он выходит из игры. Подлизываться к Ордену, «Бастиону» или Горгулину с Левицем, отколовшимся от «Бастиона» и ведущим собственную игру, он не будет. Земля большая, на ней найдется местечко, где он спрячется с близкими. Случился приступ откровения, он рассказал Динке ВСЕ. К сожалению, не смог продемонстрировать диск, на котором он запечатлен в роли зомби. Сломал его собственными дрожащими руками. Он удивился – Дина не сбежала от него, крича от страха и отвращения. Ласково погладила по лицу, окрасившемуся в цвет «мокрый асфальт». «Не печалься, дорогой, это еще не тотальный апокалипсис. И с головкой твоей все будет в порядке. Ведь не впервые такое с нашей головушкой?» О том, что она имела в виду, он старался не вспоминать. «Ты же не классический зомби, потерявший волю и разум? Над тобой потрудились специалист по изменению сознания. Подобных технологий, насколько я знаю, две. Гипноз и нейролингвистическое программирование. Существуют такие злодеи, использующие

свои умения для обращения людей и их последующего контроля. Но я с тобой и в случае чего не дам тебе разбуяниться. Или я не отчаянная домохозяйка? Ну ты как – ощутил небывалый дух товарищества?»

В тот же вечер он бросил клич: кочевники, по коням! Ворчали дети – они только начали привыкать к жизни в Каталонии. «Коней надо купить, – сказала Алиса. – У всяких уважающих себя цыган имеются кони». «Коней надо УКРАСТЬ, – поправил наиболее образованный Антошка. – Уважающие себя цыгане никогда не покупают коней». Туманов спешил. Тело мертвого посланника Ордена, гниющее в олеандрах, могли найти рыбаки, полиция или живые посланники Ордена. Доказывай потом, что ты не убивал. И у Левица с Горгулиным неясные, но далеко идущие намерения. Не стоило сомневаться, что их глаза и уши находятся где-то рядом. «Почему бы в качестве разнообразия не поступить умно?» – размышлял Туманов. Он не знал, по какому критерию действуют те, кто находит его в самых неожиданных местах. Ну хорошо, Левиц и Горгулин следили за посланником Ордена, который вывел их к Туманову. Но за кем следил нашедший Туманова посланник Ордена? На всякий случай воздержались от «тематических» бесед в доме. Говорили о текущем ремонте. Туманов заказал по телефону в строительной компании несколько банок краски и кафель для ванной. В шесть вечера прибыл фургончик с заказанным товаром, встал вплотную к створкам амбара. Грузчики выгрузили товар. Закрыли створки и уехали. Через десять минут фургончик остановился на пустынной сельской дороге между живописными холмами и высадил всю компанию с сумками. Шофер Луис, которого Туманов немного знал, искренне удивлялся – а что, собственно, происходит? Нет, он всячески приветствует щедрое приложение к оплате за работу, но зачем это делает сеньор Дариус? У него неприятности с полицией? Туманов улыбнулся, пообещал, что они еще встретятся, и фургончик строительной компании покатил по своим делам. Сомнений не было – до фургончика ищейки Ордена и «сладкой парочки» непременно доберутся. Может, перестреляют друг друга, если сделают это одновременно? А если нет? Каковы их дальнейшие действия?

Фургончик скрылся из виду.

– Туда, – кивнул Павел на впадину между холмами и закинул за спину сумку.

– Полный Пелопоннес, – проворчал потрясенный Антошка.

– Согласна, сыночка, – вздохнула Дина, которая успела даже накраситься перед прибытием фургона. – Ни кола ни двора, и денег у нас, как всегда...

– Зато мы душевно богаты, тетя Дина, – сказала Алиса. Она всегда принимала сторону Туманова.

– Душевно богаты, – поправила Красилина. – А душевно, девочка, ты будешь БОЛЬНА – причем очень скоро. Мы не успеем объездить даже половину этого крохотного земного шарика.

Наутро Туманов с Алисой добрались на попутках до континентального городка Манреса, а Дина с сыном – до Треопа. А спустя два дня воссоединились на Балеарских островах в городке под названием Сольер.

– Это еще Испания? – крутила головой Алиса, впечатленная красотой побережья и ревом штормового Средиземного моря. На пляжах, растянувшихся вдоль северной части острова, в конце февраля было не очень людно.

– Испания, – ворчал Туманов. – Где ты видела добродушные физиономии пограничников? Да и как бы я волок тебя через таможду? Ты мне кто – жена, дочь, совесть нации? Тебе еще семнадцати нет. Это у Дины Александровны имеются фальшивые бумаги, позволяющие таскать тебя через границу. А у меня таких бумаг нет.

Они встретились тем же вечером, сняли на окраине Сольера половину дома – невысокого, каменного, в глубине кривой булыжной улочки. Мы из Чехии, объяснила Дина пожилой меланхолической испанке, путая испанские и чешские слова, получаем вид на жительство. А это

тянется полгода. Подслеповатую хозяйку не волновали документы постояльцев. Только наличные и порядок в доме. Тишина ее тоже не беспокоила – поскольку помимо подслеповатости хозяйка страдала и глуховатостью. Вариант был почти идеальный. Три комнаты в полном распоряжении. Городок, где никто не станет искать. И документы в дороге они не светили – приехали в Сольер теплоходом.

– Мне очень жаль, Динка, – сказал Туманов в первую же ночь, – но болтаться по городу не дело. Пусть и дыра, но мало ли. Отсидимся недельку. Вид из амбразуры тоже неплох.

– Не нравится мне здесь, – вздохнула Красилина и с опаской поглядела на старинную ржаво-панцирную кровать, начинающую скрипеть еще до того, как к ней прикасались.

Это было сложное время. Туманова терзали видения, ночные кошмары, он вздрагивал от шорохов, вскакивал по ночам, шлялся сомнамбулой. Динка украдкой плакала. Дети дружно митинговали, а однажды заявили, что если их и дальше будут удерживать в этом захолустье, они демонстративно, по примеру взрослых, станут жить семейной жизнью. Туманов посоветовал им купить стиральную машину.

Прошел месяц – ни единого повода для беспокойства. Прошел еще один. «Поехали в Крым! – осенило однажды Динку. – Опасность миновала. Ты никому не нужен. А если нужен, не станут тебя искать в Малороссии! А у тебя украинский паспорт, киевская прописка. И детям лучше – климат такой же, как здесь, зато вокруг одни русские...»

Он обворчал эту мысль, а потом задумался. Уже апрель. В России, судя по новостям из ящика, ничего экстраординарного не происходит. Кавказ не дымится – протекают какие-то закулисные переговоры. Российские власти подлизываются к Европе и Америке. Орден при деле. «Бастион» разгромлен, а недобитые коллеги вряд ли ищут Туманова, чтобы прикончить. У них своих забот по горло. Есть еще Горгулин с Левицем, но кто сказал, что им в ближайшее время понадобится Туманов? Главное, не совать куда попало кредитные карточки и не увлекаться предъявлением документов в официальных местах.

Мир решительно изменился за последние годы. Но люди в мире остались те же. И зарабатывали как могли. Долгая дорога на автобусе в Мадрид, рейс в Стамбул, а через день он уже шатался по портовым чайханам турецкого Синопа, выискивая парня, который должен был его помнить. Контрабандисты промышляли как ни в чем не бывало. Возили с Украины в Турцию сексуальных рабынь, обратно доставляли одежду, обувь, бытовую технику, наркотики. «Коридоры» менялись, но всегда оставались в наличии. Пограничники и чиновники на обеих сторонах старательно жмурились. Пункты доставки охранялись боевиками мафиозных структур. Рахим, с которым он имел в 2001 году общие дела, грязным промыслом не занимался. Возил тряпки, компьютеры, не брезговал нелегальными пассажирами, по ряду причин не имеющими желания пересекать границу, как все нормальные люди. 20 апреля облезлый катер без опознавательных знаков и с мощным форсированным мотором вынырнул из предрассветного густого тумана и пристал к скалистому берегу где-то в окрестностях Нового Света.

И уже днем они затерялись в ялтинской толпе. Купальный сезон еще не настал, но погода была практически летней, светило мягкое солнышко, зеленели деревья, горели яркими красками цветы, на улицах звучала привычная и «приличная» русская речь. Он радовался как ребенок – хорошела и цвела Динка, поднималось настроение у детей. Они перебрались в Севастополь, сняли ракушечный домик на Северной стороне – с видом на Графскую пристань, Артиллерийскую бухту и курсирующий в центр паром. Все было прекрасно. Четверо русских со странными паспортами никого не интересовали. Антошка устал от безделья, начал подрабатывать в местной автомастерской. Алиса слонялась между домом и Антошкой. Дина вспомнила о своем писательском прошлом, купила с рук ворованный ноутбук и теперь часами, как и раньше, с умным лицом рассматривала чистую «вордовскую» страницу...

А у Туманова продолжался затяжной кризис. Он захватывал всю его сущность. Павел вскакивал по ночам, разбуженный одним и тем же кошмаром. Мог часами цепенело смот-

реть на свое отражение в зеркале. Утыкался в него почти носом, оттягивал веки, изучал кровавые сеточки в глазных яблоках. Прислушивался к голосам из подсознания. И все не мог понять, что же творится у него в голове. И творится ли там вообще что-то. Это стало тотальной манией. Никогда он не был мнительным, а вот теперь... Картина злополучной ночи стояла перед глазами. Погибли Оксана и Газарян, он бежал по лесу, отрываясь от убийц, посланных Штраубом (эх, Виктор Львович...). Но были в той точке и люди Горгулина с Левицем. По крайней мере один был точно. Его нашли, когда он валялся на поляне без сознания, сделали укол – дабы не проснулся раньше времени. Дорога пролегла всего в тридцати метрах. Дотащили до машины... Являлся в воображении какой-то черный дом, где над ним колдовали люди в черных мантиях. Сильная гипнотическая установка – поскольку череп ему не вскрывали. «Неэтичное» использование психотехники. Погружение в гипнотический транс, работа с подсознанием. Меняется сознание и восприятие мира – на короткий срок, до утра. А потом в компании человека в маске, вооруженного смартфоном, он отправляется убивать Листового. Сопровождающий фиксирует на камеру его действия... Хорошо, он может это перетерпеть. Пускай его разыскивают все внутренние органы, вместе взятые. Листового не жалко, он был мерзавец и отправился в ад. Охранники сами виноваты – нечего спать в рабочее время да по туалетам болтаться. Знали, на что шли, когда подписывались на эту работу. Его волновало другое: что за установку засунули ему в голову?! Когда (или при каких условиях) отключится сознание и заработает вложенная программа? Что это будет? Кого он должен убить? Дину Александровну? Нового российского президента? Директора Международного валютного фонда? Этот страх был хуже страха смерти. Павел не мог объяснить, почему возникает лютейший ужас, когда он начинает об этом думать. Он не мог спокойно жить, он изводил своим унылым видом Дину. Становился нервным, раздражительным, временами абсолютно непереносимым.

– Может, хватит, Пашенька? – умоляла Динка. – Ну что ты нервничаешь? Что будет, то и будет. Все в руках Господа...

– Господа? – огрызнулся он. – Ни хрена себе господь... Да я этому господу уши оторву, мне бы только до него добраться!

– Все прошло, – увещевала Красилина, – не психуй. Два месяца мы живем спокойно, ничего не происходит...

– А на третий я стану тупой машиной, задушу тебя подушкой, а заодно Антошку с Алисой, и поеду выполнять очередное задание! Для окружающих я буду нормальным человеком, буду вести себя обычно... Прояви свою писательскую фантазию, Динка, представь себе мое новое задание, а особенно – как по итогам его выполнения я пускаю себе пулю в лоб...

После этого разговора Дина сделалась тихой, стала посматривать на него как-то странно. Сидела перед компьютером и тупо щелкала мышкой. Несколько раз исчезала на пару часов. Примерно через неделю, перед тем как лечь в постель, долго крутилась перед зеркалом. Одетая в короткую кружевную ночнушку, она подбоченилась, словно на подиуме, распрямила пальцем свой курносый нос. И словно бы успокоилась, решив, что пока сойдет.

– Я не выгляжу, как старая рухлядь? – спросила на всякий случай.

Туманов терпеливо ждал, когда она займет положенное место на кровати.

– Не выглядишь, – покачал он головой. – И перестань через день спрашивать об одном и том же же. Лучше подумай, как будешь смотреться с плеткой и в кожаном бикини.

– Думала уже, – она склонила головку, смерила с ног до головы свое отражение и забралась в постель. – Стоп, Паша, не хватай в охапку мои трусики. Сначала послушай.

Начало было интригующим.

– Не ори, что я лезу не в свое дело, оно уже сделано. В начале 2004 года, когда «Бастион» подрезал крылья Ордену и свалил НПФ, я вернулась в Россию и устроилась на работу в одно

из структурных подразделений «Бастиона» в городе Москве. Работала в «китайском» отделе, но это не важно...

– Динка, я твою биографию знаю лучше, чем ты... – начал Павел.

– Цыц, – сказала Дина. – Лежи и выпитывай. Я должна разговориться, а потом уж приступить к главному. Долго я там не проработала, но успела обзавестись полезными связями среди приличных людей...

– Каких людей? – не понял он.

– Да твою мать, – разозлилась Дина. – Вот скажи, ты считаешь себя порядочным? Конечно, считаешь. И я себя считаю. Почему ты решил, что мы были единственными порядочными людьми в «Бастионе»? Так что скисни и не возникай. Неделю назад я ездила в Николаевку, где взяла в аренду у одного отдыхающего на пляже сотовый телефон...

– Динка!!!

– Уймись. Я обо всем позаботилась. Он сказал, что у меня отличная фигура, и предложил необременительную интрижку, но я отказалась. Парень в роуминге, мелкий коммерсант из Саратова, засечь звонок невозможно в принципе. Его не подслушивают, и Шандырина Федора Максимовича, с которым я имела беседу, тоже не подслушивают. Кому он нужен – мелкий замруководителя Московского бюро Интерпола?

– Какого руководителя?

– О, даруй мне терпение, боже... Международная организация уголовной полиции существует с 1909 года. Россия в ней – с 14-го. Потом – с 90-го. Потом – с 2004-го. Национальное центральное бюро расположено на Маросейке. Формально – в ведении МВД. Штаб-квартира – в Лионе, в большом современном здании. Что еще ты хочешь знать?

– Динка, я не тупой...

– Правда? Рада за тебя. Федор Максимович Шандырин – нормальный человек. Окончил истфак Московского педагогического института. Ушел из «Бастиона» полтора года назад, когда поймал на афере шефа Куницына. Тому как с гуся вода, а Шандырин едва не уехал за сто первый километр. Год уже сидит в бюро, перебирает бумажки. И плевать ему, кто у власти – Орден, «Бастион», королева Дании. Он выполняет свои обязанности и не более того. Про тебя он знать не знает. Я рассказала ему все, что с тобой случилось. Однажды я прикрыла Федора Максимовича, с тех пор он мой должник. Обещал помочь. Особенных иллюзий я не питала. Но сегодня снова съездила в Николаевку, позвонила с другого телефона. Теперь без интрижки... Шандырин рвет и мечет – сам понимаешь, связь у нас односторонняя. Он подключил к работе своих ребят – Кошкина и Ордынкина. Парни способные, провели... м-м, независимое расследование.

– Бред, – хмыкнул Туманов. – Больно им надо ради тебя проводить независимое расследование. Эти парни со своими-то обязанностями едва справляются ввиду катастрофической лени...

– Данное дело возбудило Шандырина. Он так и сказал – жена, мол, возбуждает меньше, чем это дело, гм... По всему выходило, что на горизонте замаячил именно тот тип, который разыскивается совместно с МИ-6. То есть спецслужбы в этом деле сотрудничают с копами, невзирая на свои многовековые разногласия... Кстати, ты знаешь, что такое МИ-6? Это не вертолет.

– Динка!

– И он не ошибся. Была допрошена администратор мотеля Галина Стоцкая, еще пара местных, дежурная в больнице, а главное – работники небольшого торгового комплекса на пересечении Боровского шоссе и грунтовки к поселку Рабочий. Та самая грунтовка, вблизи которой ты воскрес. Говорили с охранником и парой продавцов. Комплекс круглосуточный, заведение солидное, поскольку принадлежит не кому-нибудь, а местному авторитету Юрику, который очень серьезно относится к своей работе. Мотель «Вест Пойнт», кстати, тоже в веде-

нии Юрика. Примерно в половине ночи со стороны Москвы по шоссе подъехал черный джип марки «Мерседес», свернул на грунтовку. Очевидцы это запомнили, поскольку: а) это была единственная машина в ту ночь в Рабочий; б) в ту сторону вообще никогда «Мерседесы» не ездят. Примерно через тридцать минут машина поехала обратно. Прокатила немного по шоссе, потом вернулась задним ходом, водитель вышел и потопал в ларек за сигаретами. Киоски находятся под видеонаблюдением – Юрик не лох. Кошкин и Ордынкин внимательно проштудировали запись, где прекрасно запечатлелись лик водителя и номерной знак автомобиля...

– Да иди ты... – Туманов позабыл про скептический настрой и жадно потянулся к своей женщине.

– Остальное – дело техники. Злоумышленники допустили прокол – им и в голову не пришло, что кто-то будет проводить расследование. Водитель Григорий Исаев, бывший тренер по рукопашному бою, имелся в базе, поскольку в 95-м проходил по статье за хулиганские действия в отношении витрины магазина и фонарных столбов. Стали копать, подрядили ОМОН, взяли Исаева, потянулась цепочка...

– Давай же, Динка, ускоряйся, – взмолился Туманов.

– Ладно, пролистываем несколько томов уголовного дела. Ты и впрямь проходишь как убийца, кто бы мог подумать? А почему тебе должны делать поблажки? Или это не ты убил? Молчу, Туманов, молчу. Вернее, говорю, но только по существу. Восстановили перемещение «группы лиц». Тебя привезли в старый корпус двенадцатой городской больницы, который в связи с обрушением кровли вывели из эксплуатации. Трех похитивших тебя – а это Исаев и пара таких же джентльменов – поджидали двое граждан. Одного гражданина джентльмены знали, другого нет. Знакомый гражданин – психотерапевт двенадцатой больницы Бондаренко. Мутное светило, вроде того. Как понял Исаев, Бондаренко ассистировал тому, который... был другой. Около часа он ждал за дверью. Потом получил инструкции, принял на руки «пациента», а тот был ни тяти ни мамы, повез его в больницу, где лежал Листовой. К приезду дорожных гостей все уже подготовили. Пациент по ходу движения очнулся, выглядел очень сурово – эдакий крутой дядя, готовый на все...

– К делу, – скрипнул зубами Туманов.

– Суть такова, – перешла к заключительной стадии повествования Динка. – Кодирование проводил некто Отто Вердис. Бондаренко ассистировал, но в процесс не вмешивался. Он знает, к сожалению, мало. Но то, что знает, отчасти успокаивает, а отчасти тревожит. Никому неизвестно, что у тебя в голове. Знает только Вердис. Это тревожит. А успокаивает то, что с бухты-барухты ты не отправишься крушить и убивать. Повлиять на твою волю способен только Вердис. И только при личном контакте. Все элементарно, Пашенька. Живи спокойно и постарайся избегать встреч с людьми, носящими фамилию Вердис. И перестань, наконец, меня изводить... Постой, ты знаком с этим новым «доктором Менгеле»? – Дина забеспокоилась, видя, как меняется лицо Туманова.

– Ассистент некоего профессора Беляева. Способный работник невидимого медицинского фронта. Я видел его тело в замке Хельм – после того, как его хлопнули папкой с документами. В то время Вердис работал на «Бастион», курировал проект под названием «Немчинов». Видимо, при первой же возможности улизнул с острова и нашел себе более подходящих хозяев – Левица и Горгулина. А те лукавили, что им не удалось перетянуть Вердиса на свою сторону. Где он?

– А кто же знает? – вздохнула Дина. – Пропал после памятной ночи. Выжать из Бондаренко что-то более стоящее не удалось. Вердис – мутная, беспринципная и, как он понял, зловещая личность. Талантливый нейрохирург, психотерапевт, большой специалист по моделированию мыслительных и поведенческих стратегий.

– Я видел его в полувоенной форме...

– Последнее официальное место работы – окружной госпиталь Министерства обороны имени Худякова. По званию он, между прочим, подполковник. Это не мешало Вердису в былые годы сотрудничать с немецкими медиками в клинике психических расстройств под Дрезденом, практиковать в ЮАР в подобном заведении, где он ставил опыты над умалишенными, являться автором опубликованных в солидных медицинских журналах работ и научных трактатов по возможностям человеческого мозга.

– Во времена НПФ он, видимо, работал на Орден.

– Но точно мы не знаем. Белых пятен в биографии хватает. Полагаю, он успел на всех поработать. И если выжил, то это о чем-то говорит. Да, имеются основания полагать, что он работал на Орден. Интерпол разыскивает его за преступления, совершенные в 2003 году в отношении нескольких членов британского парламента.

– Минуточку. А разве в уставе Интерпола не сказано, что международная полиция не осуществляет вмешательств в деятельность политиков, военных, не расследует расовые, религиозные преступления, а занимается только уголовщиной?

– Куда уж уголовнее? Темная история с похищением, введением в транс... Этому кренделю не привыкать работать с похищенными. Но с британцами вышла неувязка, полиция сработала оперативно, образовалось несколько трупов, а Вердису удалось уйти. Субъект проворный – мы уже знаем. Коллега Вердиса, прибранный секретной разведслужбой Ее Величества, сдал злодея с потрохами. С той поры, надо полагать, Вердис из России не выезжал. Предложил в 2004-м свои услуги победителям. После истории в замке Хельм, когда он получил по голове, круто поменял мировоззрение. Твои приятели Левиц и Горгулин, вероятно, предложили ему хорошую оплату...

– То есть Интерпол не знает, где сейчас Вердис. А поймать его им хочется... – задумчиво пробормотал Павел. – Почему бы нам не поработать с Интерполом?

– У тебя точно башню рвет, – испугалась Дина. – Не пора ли успокоиться, Пашенька? Интерпол его найдет, экстрадирует в Англию, а уж тамошняя Фемида упрячет Вердиса надолго.

– Хотелось бы не надолго, а навсегда...

– Да Вердис уже не помнит про тебя! – Дина сорвалась на крик: – Не фигура ты для него – фигурка! Опомнись, Павел, ты ведешь себя, как ребенок, которому не купили собаку! Нам уже по сорок лет, когда мы станем жить по-человечески?..

Но идея фикс распяляла Туманова. И Дина это поняла – не будет покоя, пока все не закончится. Павел собирал вещи, чтобы ехать в Москву, а это была уже полная клиника. Разве власти передумали привлекать его за тройное убийство? Помог счастливый случай. Дина была возбуждена, кусала губы и разрывалась между желанием помочь своему любимому и нежеланием отправлять его на эшафот.

– Есть новости, родной мой сумасшедший. Во-первых, Шандырину глубоко плевать, кого и скольких ты убил в Москве, ты проходишь в розыске не по его ведомству. Он охотно верит, что пострадал ты безвинно, поскольку знает, на что способен Вердис. Федор Максимович не возражает, если мы окажем Интерполу посильное содействие. Во-вторых, Вердиса нашли.

Туманов принял боевую стойку, но Динка, не моргнув, добавила:

– Нашли и снова потеряли. Его засекли в Москве выходящим из городской больницы номер двадцать девять. Событие случайное – оперативник из отдела Шандырина привез в больницу свою мать с острым приступом шизофрении. Бросил бедную старушку в коляске у приемного покоя и помчался за злодеем, попутно звоня начальству. Но злодей уехал из-под самого носа. Осталась вероятность, что он не видел оперативника. Сотрудник сел в машину и стал играть в догонялки по столичным улицам. Одновременно другая группа шерстила двадцать девятую больницу. Безрезультатно: весь персонал дружно и слаженно твердил, что не знает никакого Вердиса. И уж тем более – чем он тут занимался. Объект довели до особняка на Волоколамском шоссе, принадлежащего профессору Беляеву, скончавшемуся месяц назад от

сердечного приступа. В доме проживала вдова профессора – моложавая и сексапильная особа. Так что неизвестно еще, от какого такого приступа скончался ее муж. Пока подтягивалась группа захвата, Вердис испарился; остался хладный труп вдовы профессора и предположительно любовницы Вердиса. Даме легко и непосредственно перерезали горло. След субъекта отыскался в аэропорту Шереметьево – когда он проходил регистрацию на рейс до Сиднея.

– До... куда? – сглотнул Туманов.

– Это Австралия, родной. Почаще заглядывай в карту мира. Кенгуру, тушканчики и австралийские индейцы. Объявить его в розыск не успели, работникам аэропорта предъявили фото. Работники подтвердили: этот человек улетел в Австралию – к кенгуру и тушканчикам. Это было несколько часов назад.

– Меня не пустят в Австралию, – проворчал Павел.

– И правильно сделают. Хорошая страна, дружелюбные жители, еще не хватало, чтобы ты ее разнес, как четыре месяца назад Норвегию. Но не спеши с Австралией. Арестовать его там не могут. Нет с Австралией таких соглашений, чтобы экстрадировать подозреваемых в совершении преступлений на территории России. А если дело завертится через Интерпол, то с тамошней бюрократией все это удовольствие растянется на трое суток. Но местный Интерпол согласился помочь – последить за Вердисом, не нарушая его гражданских прав. Идиотизм, правда? И выяснили, что он не собирается уходить из аэропорта Сиднея. Несколько раз воспользовался телефоном, нервничал, изъяснялся в трубку отнюдь не стихами. А потом купил билет на Гавайи и в данный момент терпеливо ожидает рейса. О том, что находится под наблюдением, он не знает. Ждать ему еще, – Дина посмотрела на часы, – несколько часов. В Австралии этого типа уже не перехватить. Только на Гавайских островах...

– А это где? – Туманов, в принципе, знал, но сегодня с мозгами была сушая беда.

– Ох уж ты мой географ... Гавайские острова расположены в Тихом океане. Это пятидесятый американский штат. Острова растянуты в пространстве на две с половиной тысячи верст. Самое отдаленное обитаемое место на Земле. Четыре тысячи от Калифорнии, шесть от Японии, восемь от Китая. Повсюду океан – акулы, медузы и прочие иглобрюхи. Шандырин высылает на перехват своих людей, у меня имеются их телефоны. Это Кошкин и Ордынкин. Командировка безумно дорогая, но фирма, как говорится, платит. Брат Вердиса не будут, пока не подтянутся английские коллеги. Для начала нужно выяснить, что за авантюру он затевает и на кого теперь работает.

– В дорогу, – Туманов забегал по комнате. – Уж с Америкой в моем загранпаспорте разногласий нет.

– В моем, кстати, тоже, – обескуражила Динка. – Я еду с тобой. Дети взрослые – смогут прокормиться.

– А вот этому не бывать, – встал в несокрушимую позу Туманов. – Рано нам с тобой обзаводиться внуками. Сиди в Севастополе, пачкай компьютер, вяжи шарфики.

– Ну конечно, – всплеснула руками Дина. – В Тулу со своим самоваром не ездят. Боишься, что заблудимся, поругаемся? Ах да, я же забыла, нам не привыкать в одиночкуправляться с тоннами злодеев...

Павел устроил оглушительный скандал, довел любимую до слез, пообещал, что будет звонить, и бросился в аэропорт, дрожа от нетерпения. С боем вырвал билет до Киева и уже в воздухе принял входящий звонок. С одного из номеров, которые продиктовала ему Красилина.

– Здравствуйте, – прорезался через эфир молодой мужской голос, – Кошкин моя фамилия. Василий Кошкин.

– Отлично, Василий, – отозвался Туманов. – Будем знакомы.

– Как прикажете вас величать... Павел Игоревич или Виталий... как вас там?

– Давай без шпионских штучек, Вася. Зови, как вздумается. Переживу.

– Отлично, – обрадовался абонент. – Несколько минут назад ваша Дина Александровна звонила нашему шефу Федору Максимовичу, а шеф мгновенно переключился на нас. Прекрасная штука – сотовая связь. Кабы еще деньги не капали...

– Наплюй на деньги, – влез на линию второй абонент, – демократический мир платит. Ордынкин моя фамилия, Павел Игоревич. Сергей Ордынкин. Мы тут с Василием сидим в одном самолете...

– Понятно, – сообразил Туманов, – и проводим переговоры в режиме конференц-связи. Будем считать, что познакомились, парни. Дальше что?

– От Дины Александровны вы благополучно сбежали, – без комплексов заявил Кошкин. – Женщина в нашем деле – хуже чем баба на корабле, простите, Павел Игоревич. Мы не против, если вы окажете содействие. Скажем больше, почтем за честь. Но хотелось бы вам напомнить – силами Интерпола проводится официальная операция, к которой, собственно говоря, вы имеете какое-то странное отношение...

– Нам не нужен труп господина Вердиса, – перехватил эстафету Ордынкин. – К господину Вердису должен быть прикреплен надежный хвост. Нам следует узнать, что он затеял – а он определенно что-то затеял, и выяснить, с кем работает. Задерживать Вердиса будет специальная группа.

– Ребята, я не вчера родился, – поморщился Туманов. – Не собираюсь вмешиваться в вашу операцию. Почему бы нам хорошенько не отдохнуть на Гавайях? Местечко – вроде не Исландия, нет? Оттянемся, пивка попьем.

– А я-то думаю, почему он без Дины Александровны... – ухмыльнулся Кошкин. – Мы сработаемся, Павел Игоревич.

– Отчаянно верю в это. Скажите, парни, Вердис путешествует под своим именем?

– В том-то и дело, что да, Павел Игоревич. Он, похоже, из бесстрашных парней. Проходил регистрацию на все рейсы под своим именем: Вердис Отто Карлович. Паспорт белорусский. Имейте козырь, Павел Игоревич: Вердис, кажется, не знает, что Интерпол висит на хвосте.

– Где вы, парни?

– А разве мы не сказали? – удивился Кошкин.

– Мы не сказали, – подтвердил Ордынкин. – В данный момент под крылом нашего аэробуса, если верить показаниям стюардессы, простирается широкое Саргассово море – единственное море на всем белом свете, не имеющее берегов. А под крылом самолета, на котором перемещается Вердис, проплывает остров Норфолк, расположенный примерно в тысяче километров к востоку от Сиднея. Лететь ему еще тысяч семь. Если по дороге он не выбросится с парашютом, то примерно через восемь часов приземлится в Гонолулу. А нам лететь часов семь – с учетом быстрой пересадки в аэропорту Сан-Франциско. С разных концов земного шарика подлетаем, Павел Игоревич. В общем, если все пойдет по плану, то в аэропорту Гонолулу мы встретим Вердиса и упадем ему на хвост. Подтягивайтесь. Пивка попьем.

– Как это пошло – пивка, – манерно заметил Кошкин, – пиво можно и в Сибири попить. А на Гавайях заняться, конечно, больше нечем. Это место, где для счастья есть все. Вы бы видели, Павел Игоревич, как прыгал Ордынкин, когда Шандырин запнул его на Гавайи.

– Ты тоже не рвал на себе волосы, – огрызнулся Ордынкин. – Кстати, Павел Игоревич, с подачи Дины Александровны вам забронирован билет на самолет, следующий по маршруту Киев – Лос-Анджелес. Дозаправка в Филадельфии. Отправление – в 18–00 по киевскому времени из Борисполя. О деньгах не беспокойтесь – Дина Александровна уже перевела услугой «Вест Трафик» на счет авиакомпании требуемую сумму. Вам останется лишь получить билет в кассе. «Боинг» быstroногий, так что у вас есть шансы слегка перенестись в прошлое. А из Лос-Анджелеса на Гавайи самолеты летают пачками – разберетесь. Постарайтесь не опаздывать.

– Без меня не начинайте, – буркнул Туманов.

Ребята, похоже, те еще, отметил он, отключая связь. Удар по семейному бюджету был, конечно, колоссальный. Деньги, которые он несколько лет откладывал по укромным уголкам, летели со страшной силой. «Последний раз иду на авантюру, – подумал Туманов, закрывая глаза. – Останемся в Севастополе – буду зарабатывать, как все нормальные люди. То есть крохи. Не в деньгах счастье».

В Соединенных Штатах он еще ни разу не был.

– Прошу прощения, мистер, – вежливо сказал темнокожий таможенник в аэропорту Лос-Анджелеса, – американской визе в вашем паспорте скоро год. Вы получили визу и не поехали в нашу страну?

За качество подделки можно было ручаться.

– Так уж вышло, мистер, – практически без ошибок ответил на английском Туманов. – Дела не отпустили. Мечтал посетить вашу прекрасную страну и не смог, увы. Но я уже здесь, разве не так?

– Срок вашей визы кончается через восемь суток, – с сомнением посмотрел на него чернокожий.

– Мне хватит, – уверил его Павел. – Не волнуйтесь, я не претендую на звание нелегального эмигранта.

– Цель приезда? – таможенник занес печать, чтобы проштамповать визу.

– Отдых, безусловно, – решительно сказал Туманов.

Пять часов в полете – и снова утро. Здравствуй, прошлое. Шасси коснулось полосы международного аэропорта Гонолулу, самого загруженного аэропорта Соединенных Штатов. И что он имел к этому моменту? Вялую голову и скверное предчувствие, что за ним наблюдают. Павел не спешил покидать самолет. Смотрел, как пассажиры тянутся на трап в головной части судна. Мужеобразная дама, изысканно пахнущий господин в рубашке от Валентино, жертва офисной болезни; малолетняя филиппинка, которой снова приспичило в туалет, она подпрыгивала, дергала за руку тумбовидную маму и уморительно корчилась. Он не думал, что будет впечатлен здешними красотами. Но сразу почувствовал, что воздух здесь другой – влажный, ласковый, приятный. Небо ослепительно голубое, украшенное стайкой белоснежных облачков, ветерок приятно освежал кожу. Термометр на здании аэровокзала показывал двадцать восемь по Цельсию. В зале прилета вместо стандартного интерьера – длинные галереи с тропическими цветами, целые сады, пестрящие красками и формами.

– Поздравляю, Павел Игоревич, – сказал в трубку Кошкин, – вы уже в раю. Рады вас приветствовать на Сандвичевых островах – это, кстати, второе название Гавайев. Их так назвал знаменитый Джеймс Кук. Но не потому, что местные полинезийцы обожали бутерброды, а в честь графа Сандвича, первого лорда адмиралтейства. Не подумайте, что мы такие умные, просто в полете делать было нечего, знакомились с проспектами. Здесь даже разговорник есть: англо-местный. Запомните, Павел Игоревич: аоле – нет, ае – да, ху-ху – сердитый, махало – спасибо, махи-махи – вкусная рыба...

– Кстати, на Гавайях аборигены и съели Кука, – подал голос Ордынкин. – И нынешним гавайцам за поступок древних очень стыдно. Но это был честный поединок – Кук сражался с вождем. Проиграл, был расчленен, приготовлен и с аппетитом потреблен. Дикари наивно верили, что сила такого крутого парня после поедания непременно перейдет к ним.

– А теперь уходите из главного терминала, – сказал Кошкин, – сядьте на автобус «Вики-Вики», что в переводе означает «быстрый», и езжайте до терминала внутриостровных линий. Терминал обслуживает рейсы между островами Гавайев. Компания Aloha Airlines. Вы знаете, что такое «алоха»?

– Ну откуда мне знать, Вася?

– «Алоха» – это все, Павел Игоревич. И «здравствуй», и «до свидания», и «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Универсальное местное словцо – квинтэссенция пози-

тивных эмоций. Кстати, вы знаете, что находитесь на острове Оаху? Здесь два основных острова. В Оаху Гонолулу – самый дорогой город в США – и сумасшедший курорт Вайкики Бич, а остров Гавайи – самый крупный. Ни тот ни другой нас ни капельки не интересуют...

– Ребята, вам нечем заняться? – начал раздражаться Туманов.

– Какой вы у нас «ху-ху», – сказал Кошкин.

– В точку, Павел Игоревич, – засмеялся Ордынкин. – Мы сидим в самолете Embraer 170, осуществляющем рейс на остров Хава, и в данный момент наблюдаем за затылком господина Вердиса, который сидит через три ряда от нас. Остров Хава – это примерно полтора миль к юго-западу от основной островной гряды. Главный остров небольшого архипелага с очень легким названием Кеараколау. Если верить карте и путеводителю, юрисдикция там вполне американская, острова вулканические, временами из кратеров выбрасывается дым, вытекает лава, добавляя живописности. Архипелаг – это несколько относительно крупных островов и куча мелких, среди которых имеются даже необитаемые.

– Привыкайте к местным названиям, – сказал Кошкин. – В гавайском языке всего двенадцать букв, но они составляют такие хитроумные комбинации...

– Не пугайтесь, – сказал Ордынкин, – официальный язык – английский, а на гавайском болтают лишь два процента населения.

– На Хаве есть город, – сказал Кошкин, – называется Барабоа. Даже не город, а так – двухэтажный поселок городского типа. Отели, пляжи, все как у людей, но уровнем ниже, чем в Гонолулу и прочих гавайских жемчужинах. Акулы, пираты... но это фольклор. Пираты в наше время содержат рестораны, а белым акулам в здешних водах совершенно не по вкусу двуногая еда. Ума не можем приложить, что там надо Вердису. Сразу по прибытии в Гонолулу он взял билет на Хаву и не покидал аэропорт, пока не пришло время отлета. Попутно заказал такси до Барабоа. Берите билет на Хаву, Павел Игоревич. Рейсы – через каждые три часа. В аэропорту арендуйте машину – с этим без проблем. К обеду встретимся.

– Не упустите Вердиса, – напутствовал Туманов.

– Вот это нас и беспокоит, – вздохнул Ордынкин. – Здесь такая живопись – просто глаза разбегаются. Полная алоха...

Очередной потомок африканских рабов в мундире таможенника придиричиво обзрел туриста, осведомился о цели визита, предупредил, что на острова нельзя ввозить продукты, больше литра спиртных напитков, и если у уважаемого туриста при себе больше десяти тысяч долларов, он должен заполнить декларацию. Павел приветливо улыбнулся, продемонстрировал полупустую сумку и сказал, что с удовольствием бы заполнил декларацию, но – увы. Местные авиалинии отличались тем же комфортом. Приглушенно работали моторы, он сидел в удобном кресле, смотрел, как сочная зелень острова сменяется черными скалами, черные скалы – ослепительной лазурью, огромные бирюзовые волны взбивают белоснежную пену, блестит и переливается на солнце берег золотистым песком, снуют в лазури мелкие белые точки – яхты и катера...

Слежки он уже не чувствовал. Но старался запомнить всех людей, покидающих самолет. Туристов было немного – не те края, куда они рвутся обезумевшими стадами. Несколько белых мужчин, парочка дородных испаноязычных дам, корейцы, японцы, филиппинцы. Двое местных – чем-то похожих на индейцев, чем-то на азиатов, в пестрых гавайских рубашках, с длинными волосами, заплетенными в косички. Воздух действовал расслабляюще, солнце, перевалившее зенит, жарило немилосердно. Но это было другое солнце – не такое, как в Испании или в Крыму. Он вышел из здания аэровокзала в тень баньяновой аллеи – как в другой мир. Прилегающая к аэропорту территория пестрела красками. Дорожка, окруженная баньянами, была фрагментом какого-то фэнтези. Мощные стволы деревьев состояли из множества мелких, причудливо закрученных, они плелись по решеткам, переплетались над головой, вязались какими-то сложными узлами.

– Аренда машины – двадцать пять долларов в день, – писклявым голосом объявил работник проката со смуглым лицом, изучив водительское удостоверение туриста. – Вам уже есть двадцать один год, сэр?

Туманов чуть не поперхнулся, кивнул, извлек полторы сотни. Работник с сомнением покосился на наличность.

– Прошу прощения, сэр, но мы предпочитаем кредитные карты...

Туманов задумался. Если рассуждать логически, он уже попал под наблюдение. А если показалось... В мире все меняется стремительно. Четыре месяца назад одна организация хотела его убить, другая – завербовать. «Братья-разбойники» Горгулин и Левиц вообще непонятно чего хотели. Как-то маловероятно, что масса народа сидит и отслеживает потоки электронных денег в ожидании, когда же мелькнет фамилия Дариус. Он все равно засветился с авиабилетами, общается с какими-то смутными парнями Кошкиным и Ордынкиным...

– Да, конечно, уважаемый, я как-то не подумал... – Павел сунул работнику проката карточку «Виза».

– И двести долларов, – радушно заулыбался абориген, – возвратный депозит. Можно наличными. У нас имеется для вас замечательный «Вранглер» – именно та машина, что потребуется вам для путешествия по нашему замечательному острову. Возьмите, пожалуйста, карту острова. Вам объяснить, как добраться до отеля?

Туманов ехал по безумно красивым местам – мимо зеленых джунглей, полян, усыпанных невиданными цветами, мимо причудливых скал – островков лунного пейзажа, как-то странно сочетающихся с буйством окружающей зелени. На востоке осталась покатая гора – местная достопримечательность – потухший вулкан, в недрах которого, если верить путеводителю, временами раздавалось утробное урчание. Качество дороги было вполне приемлемым, но он предпочитал ехать ближе к разделительной полосе – асфальт на обочине представлял волнистую линию, опасно съезжающую в водосток.

Павел остановился на въезде в цветущую долину, проследил за мангустом, перебежавшим дорогу. Зверек прошуршал брюхом по асфальту и юркнул за камень. Туманов обернулся. Попутных машин было немного. С ревом пронеслась старинная каракатица со значком вездесущей «Тойоты». «Замечательный» «Вранглер», который ему подсунили в прокате, оказался не лучшим транспортным средством. Двигатель иногда чихал, раздражался приступами кашля, педали акселератора и тормоза имели мертвый ход, старые сиденья неприятно скрипели. Но брутальный бампер и открытый верх машины гасили все эти мелкие неприятности. Он развернул потрепанную карту. Остров Хава был не таким уж маленьким. Очертаниями походил на яйцо, но с изрезанной береговой линией. Городок Барабоа располагался в северной части острова. Аэропорт – в северо-восточной. Хаву окружало множество островков и даже два атолла. Архипелаг Кеараколау. Помимо Барабоа на карте имелось еще несколько населенных пунктов. Он вынул телефон – хорошо, успел подзарядить, пока ждал самолет на Хаву.

– Слушаю, – отозвался Кошкин. Он что-то жевал.

– Приятного аппетита, – пожелал Туманов.

– Принимается, – добродушно отозвался «международный полицейский». – Впервые в жизни ем суп с трепангами и каракатицей и запиваю его безалкогольным эг-ногом – это какая-то жуткая соковая смесь. Если помру от разрыва пищевода, вы знаете, кого винить.

– Вы уверены, что Вердис направляется в Барабоа?

– Да, Павел Игоревич, это единственное, в чем я уверен, поскольку он уже здесь. И мы с Ордынкиным тоже. Долго вам еще трюхать?

– Не знаю... минут двадцать.

– Отлично. Заблудиться не сможете, всюду указатели. Язык не проглотите, когда увидите эту красоту. Ситуация такова, Павел Игоревич. Городок Барабоа состоит из трех улочек, протянувшихся вдоль побережья, и всяких мелких переулков. Первая – Грини-Грин-стрит... по-

нашему, что-то вроде «Зеленая-презеленая». За ней Калауа и Ориндж-драйв. Береговая полоса называется «Каваки Бич». Примерно два часа назад объект остановился у отеля «Ахаба» – это на Грини-Грин. Не проедете – аллею к отелю украшает огромное авокадовое дерево. Снял номер на втором этаже и отправился спать. Я сижу в кафе напротив, ставлю фигуранту мысленный заслон. Здесь уйма всяких заведений, магазинчиков, каких-то эзотерических лавочек, повсюду зелень, люди, так что бельмом в глазу мы не выглядим...

– Он не может удрать через задний ход?

– Исключается. Мы с Серегой уже пошатались по округе. Здание небольшое, всего два этажа. Пожарный выход есть, но с тыла – ограда, увитая плющом, и чтобы оттуда выбраться, нужно обойти здание и по-любому оказаться на аллее, которая у меня перед глазами. А напротив еще один отельчик – называется «Вулкано», думаю, мы с Ордынкиным там и заночуем. Серегу проводит разведку местности, скоро должен нарисоваться. Если хотите, можете тоже остановиться в «Вулкано». Или вам по вкусу больше резорты или, скажем, кондоминиумы? Резорты – это большие отели. С бассейнами, парковками и шведскими столами. Один я, кажется, видел на Каваки Бич...

– Разберемся, – сказал Туманов и бросил трубку на сиденье.

Он обещал себе не отвлекаться на пейзажи, сделать вид, что все это старо, серо, скучно, набило оскомину. Но не глазеть на это чудо было невозможно. Подлинный рай, где тепло зимой и летом, где пейзажи меняются с фантастической быстротой, где нет ни змей, ни крокодилов, ни хищных зверей... Он проехал пышную манговую рощу, ананасовую плантацию с фигурками копошащихся людей, зацепил дождевой тропический лес с плантацией гибискусов – огромных желтых цветов, национального символа Гавайев. Остановился на краю леса, заглушил мотор. Невероятно. В воздухе – ощущение неги. Не замечаешь, как впадаешь в нирвану – состояние освобождения от страданий и забот. Лианы свисали до земли, плотным ковром простирались причудливые папоротники, пестрели невиданные цветы и ягоды. В полной тишине над опушкой леса кружили гигантские пестрые бабочки и крохотные птицы. Он закрыл глаза, выбираясь из плена ложного покоя, хрустнул трансмиссией...

Заголубела изрытая волнами поверхность океана. Показалась череда скал и черный пляж под скалами. Павел подъехал ближе. Песок действительно был черным. А почвы в пустотах между скалами – красными. По океану катились длинные ленивые волны с мелкими барашками. И вдруг пропали скалы, берег превращался в тропический сад с пальмами и орхидеями. Волны беззвучно накатывались на отлогий пляж, а песок здесь был уже не черный, а практически белый. Шевелили метелками пальмы, склоняясь к воде. Показались причалы со стройными рядами пришвартованных яхт, разноцветные крыши, утопающие в тропической зелени.

Он ехал по засаженной цветами Грини-Грин, зачарованно вертел головой. Неприхотливые дома из базальтового камня чередовались зажиточными белокаменными особняками. Идеальная чистота, ни соринки. Буйство красок, улыбки прохожих. Машины еле ползли – водители в этом раю никуда не спешили. В стороне, возможно, на Калауа или Ориндж-драйв, просматривались относительно высокие здания из стекла и бетона – очевидно, местный деловой центр. Не заметить авокадовое дерево было трудно. Под ним фотографировалась стайка японцев. Туманов припарковался у следующего здания в колониальном стиле, табличка на котором извещала, что в XIX веке здесь размещался миссионерский дом, а позднее – протестантская миссионерская школа. Перешел дорогу, цепляя на нос черные очки, двадцать шагов по тротуару и вверх – по истертым деревянным ступеням. Заведение «решетчато-деревянного» типа. Ресторан «Lava Java» – извещала очередная вывеска. Обыкновенные деревянные столики, плетеные кресла. Двое парней в гавайских рубашках с любопытством смотрели на его восхождение. Помимо данных обладателей славянских физиономий здесь было только двое клиентов – престарелых и разморенных, клюющих носами в одинаковые газеты «Sandwich Island Gazette».

– Ну что, ребята, примерно такими я вас и представлял.

– Разгильдяями? – подмигнул худой черноволосый Кошкин – с носом типа «кнопка» и смеющимися глазами. Парень был резок в движениях – вскочил, сунул руку для приветствия. Второй был плотнее, степеннее, русоволос. Он отставил чашку с кофе, вытер руку о салфетку и тоже протянул.

– Соблюли приветственный ритуал, – ухмыльнулся Ордынкин. – Я вас тоже представлял примерно таким. Присаживайтесь, Павел Игоревич. Рады знакомству.

– Кофе пьем? – покосился на чашку Туманов. – Командировочные проматываем?

– А мы есть уже не можем, – рассмеялся Кошкин. – Усиленно рекомендуем, Павел Игоревич. Волшебный напиток. Хорошо восстанавливает цвет лица, а то вы у нас сегодня какой-то зеленый. Кофе кона – местная знаменитость. «Эндемик» своего рода. Родом с острова Мауи, рецепт неизвестен, но чувствуется вкус грецкого ореха. Сами заказывайте – дорогое удовольствие.

– Успею еще. – Туманов сел в плетеное кресло, с наслаждением вытянул ноги, покосился на шебеночную аллею через дорогу, ведущую к помпезному крыльцу двухэтажного особняка, при строительстве которого явно использовали «архитектурные излишества». – Новостей нет?

Работники Интерпола – а им обоим было едва за тридцать – внимательно его рассматривали. Павел снял очки.

– Так лучше?

– Прекрасно, – кивнул Кошкин. – Не забудьте позвонить Дине Александровне – она волнуется. Или позвонили уже? Ладно, не наше дело. Прививку против желтой лихорадки сделали? Нет? Мы тоже. Итак, давайте к делу. Признаемся честно, нам несколько непонятна ваша роль в этом деле, но Федор Максимович намекнул, что мы обязаны вас потерпеть. А еще намекнул, что у вас большой опыт, и если ситуация станет критической, мы можем рассчитывать на ваши услуги. В «Вулкано» был единственный свободный номер, так что, увы, Павел Игоревич, вам придется искать другое убежище.

– Не беда, – пожал плечами Туманов, – найду другое.

– В городке всего три гостиницы, – сказал Ордынкин. – К Вердису в «Ахабу» вы не пойдете. Остается «Черепаша» на Килауа. Есть еще резорт и кондоминиум на Каваки Бич, но это как-то... примитивно, что ли. Там вы будете у всех на виду. И цены в резорте выше. Двести долларов в сутки вас обрадуют? А в городских гостиницах – по сто пятьдесят...

– Разберусь, – повторил Туманов.

– Небольшая справка для чайников, – сказал Кошкин. – Ценники в магазинах не включают налог на добавленную стоимость. Придется доплачивать восемь процентов от стоимости товара. Будьте к этому готовы, а то попадете в стыдливую историю.

– А вы неплохо подготовились, – заметил Туманов.

– А мы не такие уж разгильдяи, – ответил Ордынкин. – Во-первых, мы недавно освоили азбуку и всю дорогу, пока летели, познакомились со здешним Эдемом. Во-вторых, мы уже три часа тут бананы околачиваем...

– И не сказать, что совсем уж безрезультатно, – вступил в разговор Кошкин. – Вердис снял номер на трое суток и пускаться в бега, похоже, не намерен. Мы уверены на сто процентов, что слежку он не чувствует. Ему и в голову не придет, что кто-то потащится за ним на край земли. Потеряем – не повод для паники. Вернется. Убратся с архипелага Кеараколау он сможет только самолетом, а местные ребята, связанные с Интерполом, об этом сообщат. К сожалению, привлечь полицию мы не можем. По слухам, архипелаг контролируется некоей мафиозной структурой, и здешние полицейские могут совмещать служение закону со служением еще кому-то. А связан ли «еще кто-то» с нашим приятелем Вердисом, нам неизвестно. Ваши планы, Павел Игоревич?

– Вердису следует изолировать от общества. Навсегда, – проворчал Туманов. – Как вы этого добьетесь, меня не колыхнет. Но если вам улыбнется неудача, я его просто убью.

– Он вам что-то сделал? – помедлив, спросил Кошкин.

– Вы не знаете?

Интерполовцы переглянулись и дружно пожали плечами.

– А должны?

– Вот и прекрасно. Считайте, что имею к Вердису личный счет. Ладно, парни, – Туманов посмотрел на часы, – тащите службу, а я пойду искать прибежище. Всегда на связи.

Он очнулся в пять часов по местному времени, вывалился из кровати, начал с ужасом представлять, мимо чего со стуком и лязгом пронеслась жизнь. Вроде все в порядке, два часа проспал. Тихо гудел кондиционер, в окно царапалось ветвистое тропическое дерево с иглообразными листьями. Лужайку под отелем нарядно обрамляли геликоновые заросли – листва кустарника была похожа на разросшийся цветник. На корточках перед кустарником возился с ножницами какой-то парень с пышными черными волосами. Туманов недоверчиво осмотрелся. Номер далеко не президентский, но уютно. Три часа назад он загнал арендованный джип на парковку перед «Черепашкой» и, к вящей радости, узнал, что со свободными номерами все в порядке. Словосочетания «все включено» в этой части света не знали. Номер стоил сто семьдесят в сутки, и проходящий мимо постоялец, сделав заговорщицкое лицо, прошептал с прибалтийским акцентом, что это невероятно дешево. С этим парнем он позже встретился в суши-баре через дорогу. Заведение принадлежало престарелому японцу, и, видно, в знак протеста против поражения во Второй мировой войне меню не было переведено на английский.

– Там картинки есть, – подсказал уроженец Балтии. Он сидел с блондинкой за соседним столиком и отдавал должное разноцветным роллам. – Нарисованы весьма специфично, с претензией на абстракционизм, но это лучше, чем решать иероглифы. Только не советую мано. Это стейк из акулы. Блюдо, в принципе, съедобно, но обладает аммиачным привкусом, который нравится не всем. Вы же не хотите провести свой отпуск в туалете? А вот филе рыбы-меч вполне даже пикантно и вкусно. Мы вчера ели.

Они разговорились. Туманов представился гендиректором небольшой киевской фирмы, вырвавшимся в законный отпуск и отчаянно ищущим спасения от суеты популярных курортов.

– О, это то, что вам надо, – обрадовался новый знакомый, представившийся Айваром (а когда представлялся, со смехом сообщил, что он тоже гендиректор небольшой фирмы, только не киевской, а рижской). – В Барабоа вы найдете все удовольствия и не озвереваете от толкотни, что творится на Оаху и Большом острове.

– Не все удовольствия, – фыркнула блондинка, – казино тут нет.

– А их нигде на Гавайях нет, – парировал Айвар. – Азартные заведения – это в Вегасе, дорогая. Или в Атланте. Если хочешь, в августе съездим. А на Кеараколау ловят жемчуг, добывают кораллы, здесь отличные места для дайвинга и снорклинга. Вы знаете, Виталий, что такое снорклинг? Это когда берете напрокат маску, ложитесь на воду задницей вверх, плаваете и смотрите в море, как в телевизор. А там такое показывают... Главное не переусердствовать, а то спина сгорит. И не забудьте купить рифовые тапочки и специальные перчатки. Время пролетит незаметно, уверяю вас. А вечером приятно пройтись по Каваки Бич. Там множество сувенирных магазинов, ресторанчиков, аборигены исполняют свою знаменитую хулу – забавный полинезийский танец. Местные дарования расппевают под укулеле – это такая крохотная гитарка, которую почти не видно... Мы с Вией тут уже неделю, и то всего не видели.

– Неделю? – удивился Туманов, украдкой поглядывая на мучнистое лицо блондинки.

– Не обращайтесь внимания, – отмахнулась дама. – Кожа такая. Пигмента не хватает – вот ультрафиолет и не впитывается. Но долго лежать на солнце не могу – тошнит, голова кружится, в общем, похоже на непорочное зачатие.

Простились, как старые приятели. Айвар не преминул похвастаться – постучал ногом по кроссовке и сообщил, что купил обувь в Гонолулу, в ее подошву вмонтированы шагомер и

кардиодатчик. Всего шестьсот долларов. Сыто срыгивая, латыши побрели в сторону набережной, а Туманов вернулся в гостиницу. Внимание привлекла занятная сценка. Странная парочка поднималась по лестнице. Статный юноша лет восемнадцати, с большими глазами, шелковистыми черными прядями – явно из местных – держал под локоток белую даму глубоко за сорок – с помятым лицом и впалыми щеками. Остатки сексапильности дама еще не растеряла. Она смотрела на юношу влюбленными глазами и костлявыми пальчиками поглаживала его утянутое джинсами мягкое место. А тот что-то говорил в превосходной степени (очевидно, пел оду ее немеркнущей красоте) – его английский был неплох, но несколько небрежен. Туманов пропустил «влюбленных», стал медленно взбираться следом. Парочка остановилась под дверью в глубине коридора. Юноша забрался партнерше в «зону бикини», дама разомлела, парочка слилась в страстном поцелуе. Юноша толкнул дверь. Женщина скользнула затуманенным взором по Туманову, и вдруг в ее глазах мелькнуло что-то осмысленное. Она втолкнула юношу в номер, внимательно всмотрелась в незнакомца и вдруг подмигнула. «О нет», – подумал Туманов. Женщина скрылась в номере.

– Сеньора Лучана, «пума» хренова, – прозвучало за спиной на безупречном русском. Туманов вздрогнул. Мимо прошла, виляя бедрами, худая девица в короткой юбке, в очках и с какими-то «взбитыми сливками» на голове.

– Не знаете, кто такие «пумы»? – она скользнула по нему глазами. – Это тетки за сорок, которые жаждут секса с мальчиками. Платят им большие деньги, а те их жучат во все доступные места и восхищаются, что ничего красивее в жизни не жучили. Тьфу. Эта старая табуретка и на вас, кстати, глаз положила, заметили? – Девица хихикнула и отправилась дальше, виляя бедрами так, что едва не касалась ими противоположных стен.

Туманов с недоверчивым видом помотал головой – чего, мол, не услышишь. Пихнул дверь коленом и вошел в номер. Очнулся через два часа...

Позвонить любимой женщине он так и не удосужился. Был разморен, ленив, когда без стука в номер вторглась та самая девица в «профессорских» очках и сказала:

– Кстати.

– Ничего и не кстати, – проворчал Павел. Он слышал про такое понятие: русские Гавайи. Но чтобы так прямолинейно...

– Моя территория, красавчик, – без обиняков заявила девица и угрожающей походкой направилась к кровати, где Туманов отдыхал после праведных трудов, – отель «Черепашка», ночное заведение «Моаку» в конце Килауа, клуб «Розетт» – но там полиция зверствует... Ты откуда такой красивый взялся?

– Слушай, давай позднее? – взмолился Туманов. – Безумно счастлив встретить на Гавайях русскоязычную труженицу эротического фронта, но дай, пожалуйста, отдохнуть.

– Ты считаешь меня проституткой? – нахмурилась девица.

И сделала такое лицо, словно собралась выхватить «кольт» из подвязки и изрешетить хама.

– Считаю, – проворчал Туманов. – Посмотри на себя в зеркало. Напомнить, что такое проституция? Секс за деньги с неинтересными мужчинами...

– А если с интересными? – Девица села на краешек кровати, забросила ногу на ногу и беззлобно шелкнула его по носу. – Могу сделать скидку. У твоей покорной служанки, между прочим, гибкая система скидок для тех, кому за... – девица задумалась, – за тридцать. Не волнуйся, я тебя не ограблю. Не могу же я гадить в собственном... скажем так, офисе. Презерватив имеется?

– Нет, – обрадовался Туманов.

– Ничего, все свое ношу с собой, – девица взгромоздила на колени увесистую дамскую сумочку и стала в ней рыться. Потом сняла очки, ловко вынула невидимую шпильку из волос, и они рассыпались по плечам. Сердце екнуло. Ее глаза колыхались в непосредственной близости

– огромные, влажные, насмешливые. Умелые пальчики заскользили по местам, прикосновение к которым не оставляет большинство мужчин равнодушными. Пришлось признать, что путана относится с душой к своему не столь оригинальному ремеслу. А впоследствии признать, что и с фантазией. Ласки стали смелее, экономный топик, прикрывающий второй размер, куда-то испарился... и покатила буйная головушка. Поначалу он помнил, что они вытворяли – вернее, что девица с ним вытворяла. Попутно она рассказывала о себе, что зовут ее звучно и эротично – Виктория, что много-много лет назад (а точнее, четыре года) скромная выпускница минского факультета журналистики приехала отдыхать на Гавайи. Встретила парня умопомрачительной красоты, от которого залетела, но брак и беременность не задалась, жених послал ее на панель, и покатила Вика по наклонной. Сколько слов в рассказе было истиной, а сколько ложью, Туманов предпочел не уточнять. Бизнес у Виктории вполне стабильный, «зона ответственности» не такая уж обширная, рабочий день не в тягость, остается время для себя любимой, поскольку сутенер у нее не фанат работы и, как все полинезийцы, страшно ленив. Когда Павел прошептал, что больше не может, девица заявила, что это поправимо, порылась в своей волшебной сумочке и извлекла небольшую плоскую емкость. Отхлебнула (или сделала вид, что отхлебнула), поднесла горлышко к губам партнера. На резонный вопрос, что за гадость, девица объяснила, что это эликсир любви и хуже не будет. Туманов поплыл по сложным галлюцинациям. Отношение к жизни и собственной безопасности становилось пофигистическим. Он смутно помнил, что они опять занимались любовью, «разыграли угловой» на вместительном кресле в углу под окном. Хватило сил слабым голосом поинтересоваться, что это было.

– О, это гвоздь программы. Здесь все такое пьют, – непринужденно отозвалась Вика. – Полинезийский национальный напиток кова. Дурмящее зелье из корня дикого перца.

– Как мило, – прошептал Туманов твердеющими губами. – В России проститутки практикуют клофелин, на Гавайях – каву...

Он очнулся на закате – как на том свете. Голова не просто болела – она рвалась и теряла кусочки. В горле царил конюшня. Остатки видений, как обрывки красного знамени, летали перед глазами. Суставы скрипели. Проститутка пропала – это они умеют. Первым делом он проверил наличие в карманах брюк. Исчезли ровно сто долларов – какая потрясающая честность. Павел с ужасом уставился на пять использованных презервативов, которые проститутка, не лишняя чувства юмора, сложила под кроватью в виде озорного «смайлика». Застонал, полез под душ. Настала ремиссия – но не такая, чтобы возрадоваться жизни. Он намыливал пеной заросшие щеки, когда задергался мобильник. Пришлось бежать в номер, путаться в полотенцах, танцевать в натекшей луже.

– «Ах, маменька!» – вскричала графиня и упала без чувств, – с выражением продекларировала Дина. – Туманов, ты безобразно пьян!

– Зато жив, моя сладкоголосая сирена, – с безупречной логикой прохрипел Павел. – Прости, родная, до последнего момента собирался тебе позвонить...

– Не могу поверить! – стенала Дина. – Сколько баянов на эту тему порвали! Ты каким грехам там предаешься, горе мое луковое?

– В данный момент я предаюсь греху бритья, – не покривил душой Туманов. – А вообще я залегаю на глубине – как платина. Осматриваюсь помаленьку, занимаюсь организацией быта...

– И наконец-то у тебя это стало получаться, – отрубил Красилина. – Твой голос – лакмусовая бумажка, родной. Мне кажется, твои грехи гораздо тяжелее, чем пытаешься представить. Знаешь, Туманов, когда-нибудь я тебя прибую, и будет очень неловко. Ладно, выкладывай свою версию событий. И не забывай, что нас подслушивает половина земного шара.

Павел выдавил, что над Гавайями безоблачное небо, операция продолжается и он всегда рад слышать ее голос. Беседа с родным человеком полностью выбила из колеи. Он куда-то пошел, но вместо ванной оказался в коридоре и потрясенно уставился на «дикую пуму» сеньору Лучану, которая в обтягивающих лосинах проходила мимо его двери. «О нет!» – Павел

схватился за сползающее с талии полотенце. Глаза бальзаковской дамы вдохновенно заблестели. Она вздохнула – глубоко. И с шумом выпустила воздух.

– Виноват, исправлюсь, сеньора, – просипел Туманов и захлопнул дверь. Приложил к ней ухо. Дама за дверью постояла немного, как бы раздумывая, имеет ли смысл постучать, затем продолжила движение.

– Ну полный пипец, – прошептал Туманов.

Забился телефон, Павел все же поскользнулся в собственной луже и сломал стул.

– Отдыхаете? – деловито осведомился Кошкин.

– По крайней мере пытаюсь, – честно признался Туманов.

– Голосок у вас какой-то... – засомневался Ордынкин. – Докладываем, Павел Игоревич. Вердис заказал по телефону в номер шампанское и бабу. Несколько минут назад заказ доставлен. На двери висит табличка «Не беспокоить». Так что можете отдыхать – думаю, до утра.

– Да, с голосом у вас непорядок, – согласился Кошкин. – Простудились на морозе?

– Спал я...

– Счастливы вы. А у нас Шандырин с телефона не слезает, не дает поспать на работе. Требуется форсировать слежку, доложить о связях Вердиса и не тянуть с его задержанием. Группа сотрудников МИ-6, которой доверена высокая миссия зачитать подозреваемому его права, уже сидит на чемоданах в Хитроу и ждет отмашки. А тут, блин, шампанское, романтическое свидание...

– Какая она из себя? – спросил Туманов. – Худая, высокая, в очках?

– Ни слова не угадали, – хихикнул Ордынкин, – полная и никаких диоптрий. И такая, проще пана, маленькая – что проще перепрыгнуть, чем обойти. У Вердиса сильные представления о женской красоте. А почему вы спрашиваете?

– Понятия не имею...

– А вы неплохо проводите время, – обнаружил Кошкин. – Эх, нам бы так. А то с нашими командировочными, которые хорошо видны в ультрафиолете... Сейчас бы на боковую, девушку под мышку, а утром на пляж – да чтобы никакой работы.

– Ага, и рояль в гостиную, – хмыкнул Ордынкин. – Кстати, будьте осторожны, Павел Игоревич. Если будут предлагать попробовать некую каву, ни за что не соглашайтесь – какие бы яркие впечатления ни обещали. Дерзкое зелье. Об этом подробно было написано в памятке для туристов, отъезжающих на Гавайи...

Побочные последствия применения «традиционного полинезийского напитка» были непонятными – проснулся зверский голод. С наступлением темноты Туманов забрался в уютный ресторанчик национальной кухни в тридцати шагах от гостиницы и начал заказывать все подряд. Салат из авокадо с повышенным содержанием майонеза и кетчупа, суп-лапшу с кальмарами, свинину, запеченную на пару с душевным названием лау-лау. В качестве десерта выбрал гавайский фруктовый пудинг и ананасы в пивном кляре. На заверения официанта, что посетителю надо непременно попробовать «фирменные» жареные бананы и ананасовые оладьи с мороженым, ответил вежливым отказом. Остаток вечера прошел в чинном спокойствии. Он ел и не мог остановиться.

Никто не обращал на него внимания. Люди мирно ужинали, общались между собой. Плечистый белый мужчина с обветренным лицом повествовал своей спутнице о нелегкой профессии краболова на Аляске – одна отрада: раз в году вырваться в заслуженный отпуск. Две дамы – некрасивые, но не старые – проводили сравнительный анализ мужских достоинств. Сошлись во мнении, что самые горячие любовники на планете – испанцы и, конечно же, бразильцы. А самые отвратительные – шведы, немцы и англичане. Русские, украинцы и братья меньшие белорусы в списках почему-то не значились. Мнительная старушка в ситцевом платье досаждала болтовней официанту, который, на свою беду, понимал по-английски. Старушку волновал прогноз погоды на ближайшие дни. Она от кого-то услышала, что приближаются тайфуны,

ураганы, смерчи, и очень хотела знать, обойдет ли это несчастье Гавайи. Ведь явно повышается температура, а стало быть, возрастает риск урагана. Она подробно объясняла терпеливому официанту, как тропические штормы зарождаются у берегов Мексики – большей частью у полуострова Калифорния – и неудержимо рвутся на запад. С ураганами шуточки плохи, уверяла старушка. Уж она-то знает – у нее муж погиб от торнадо, сестра захлебнулась в цунами, и двух детей чувствительно, но не смертельно потрепало тайфуном с ласковым женским именем...

Большинство посетителей ресторана проживали в «Черепяхе». Кормиться в суши-баре пожилого японца желающих, видимо, не было – ввиду отсутствия меню на английском.

Ночью Павел очнулся. Кто-то прошел мимо его комнаты. Потом вернулся и встал под дверь. Взыграли позабытые страхи. Нервы натянулись. Он надел что-то из одежды, кинулся к двери. Человек в коридоре размеренно дышал. Отправился дальше, шоркая босыми ногами. Туманов высунулся в темный коридор, разглядел удаляющуюся женскую фигуру. Дама шла каким-то странным образом – неуверенно, будто бы вслепую. Неприятные воспоминания шевельнулись в душе. Он выбрался в коридор, на цыпочках отправился за дамой. Туманов настиг ее в холле второго этажа, когда она плутала между бадьями с тропическими цветами и была отлично освещена лунным светом из большого окна. Сеньора Лучана. Совершенно нагая и не смущающаяся своей наготы. Она бродила, спотыкаясь о горшки и вазы, подошла к окну и замерла. Туманов подкрался поближе. В лунном свете вырисовывались очертания бедер, обвисшая грудь, напряженный профиль. Она смотрела за окно пустыми глазами, смотрела в точку. Сомнамбула, догадался Павел. И нечего тут фантазировать насчет зомбированных голых убийц, подсланных Орденом или «Бастионом».

Она могла так простоять до утра. Поведение лунатиков не подчиняется закономерностям. Но женщина вдруг плавно шевельнулась – мягкая волна прошла по телу. Подалась вперед и начала довольно ловко карабкаться на подоконник. Туманов затаил дыхание – успеет броситься. Но сомнамбулы не склонны к самоубийствам – сеньора Лучана встала на подоконник, не свалив при этом ни цветочка, застыла в позе кошки, увидевшей птичку. Это выглядело глупо и нереально. Потом спина ее распрямилась, женщина спустилась на пол, попятилась и зацепила бедром стоящую на высокой подставке бадью с цветами. Избежать катастрофы было невозможно. Бадья рухнула, покатила подставка. Пространство огласилось страшным грохотом.

Туманов заметался и застыл, замороженный ядовитым лунным светом...

Захлопали двери, вспыхнул свет. Раздались шаги, и за спиной Туманова возник давешний краболов. Распахнулась дверь, высунулись двое – Айвар и Вия. Отворилась соседняя дверь, объявился испуганный потный толстяк в трусах и майке шиворот-навыворот. Оттеснив его бедром, в проеме возникла путана Виктория. Потерла заспанные глазенки, удивленно посмотрела на сеньору Лучану, уставилась на Туманова, стоящего в позе захваченного врасплох багдадского вора. Павел сделал сложное выражение лица и развел руками – такой вот, дескать, пассаж.

Было страшно неудобно. Но самое поразительное заключалось в том, что сеньора Лучана не проснулась! Она стояла лицом к окну, размеренно покачивалась, спала с открытыми глазами. Охая и причитая, прибежал мускулистый паренек в плавках, обернул женщину простыней, увел в номер. Она шла с высоко поднятой головой, и только у двери ноги внезапно подкосились, переплелись.

– Ты уж следи за своей красоткой, – посоветовал аборигену Айвар. Тот сделал виноватое лицо, втащил «нудистку» в номер.

– Ночной стриптиз, – фыркнула Вия. – Полный пакет удовольствий.

– Ага, она еще и лунатичка, – добавил Айвар и посмотрел на Туманова. – А вы здесь что делали? Подсматривали за несчастной женщиной?

– Какой вы у нас озабоченный, – покачала симпатичной головкой Виктория и, склонив ее набок, с интересом стала разглядывать Павла. Ирония в глазах просто бурлила.

– Не страдаю озабоченностью, – проворчал Туманов. – Пани Лучана настойчиво терлась в мою дверь. Я должен был посмотреть, кто это.

Краболов зевнул и пошел досыпать.

– Что такое? Что случилось? – высунулась из своей двери старушка, страдающая ураганобоязнью. Пиратская повязка вместо традиционного чепчика для сна смотрелась весьма пикантно. Все засмеялись.

– Спокойной ночи, господа, – сказал Айвар, обнимая свою партнершу. – И да исполнится она тишиной и покоем.

Поспать спокойно в эту ночь не дали. Посреди ночи появилась Виктория и воцарилась над душой в легкомысленном наряде – трусиках, экономном бюстгальтере. Остальную одежду, включая сумку и туфельки со шпильками, способными пронзить насквозь, держала под мышкой. Зачем одеваться, чтобы пройти десять метров?

– Ты ненастоящая, Виктория... – простонал Туманов. – Зачем я тебе, ведь ты обзавелась таким симпатичным толстячком?

– Этим бисексуалом, что ли? – фыркнула девушка, забираясь к нему под одеяло.

– Почему бисексуалом? – не понял Павел.

– А потому что секс у него два раза в жизни был. Эту медузу зовут мистер Пикокк. Он впервые в жизни вырвался из Далласа, где трудится бухгалтером на фабрике фосфатных удобрений. Пикокк – представляешь? «Кокк» – это вообще-то бактерия круглой формы. Очень похоже. Нет, не хочу я с ним – он бы трахался, как храпит. Да не волнуйся ты, засоня. Рабочий день уже закончился, считай, мы с тобой просто отдыхаем.

От такого отдыха потом неделю в санатории лечиться! Какое-то время Павел честно пытался заснуть. Но у этой неподражаемой дивы имелось свойство заставить прыгать даже лежащий камень. Он не помнил, как провел остаток ночи. Единственное, что осталось в голове, – это лунные огоньки, пляшущие на гребнях волн. Это было чертовски красиво – колышущийся океан, залитый лунным светом... Какого черта? Состояние, как после недельного запоя. Часы показывали одиннадцать утра. Он лежал «о-натюрель» на просоленной от пота кровати, а под мышкой посапывала женщина. Павел боязливо перегнулся через край – какую картинку сложила? Облажался, Туманов, – только мятый коврик?

– Дорогой, кончай возиться, дай поспать... – пробормотала Виктория.

– Что, опять кава? – вымолвил он убитым голосом, разглядывая свежую вмятину на потолке.

– О боже, он совсем ничего не помнит... Мы провели прекрасную ночь, дорогой. Мы гуляли по Каваки Бич, пока не упали... Ты пил ликер и говорил, что это хороший питательный крем. Потом нас выставили из кафе, мы вернулись в номер, и ты застрелил потолок пробкой от шампанского...

Потрясенный Туманов молчал. Вот они – неисчерпаемые запасы организма.

– Я рассказывал что-нибудь о себе?

– Ты был очаровательно пьян, но о себе не сказал ни слова. Единственное, что ты сказал – что живешь в Киеве и работаешь гендиректором фирмы, разводящей молочных поросят... Нет, телят. Впрочем, потом ты позабыл про своих телят и что-то говорил про сувенирную фабрику... Вот черт, с тобой не поспишь. – Виктория проснулась и принялась его ощупывать.

– Виктория, исчезни, а? – взмолился Туманов.

Она исчезла. Когда он проснулся через час, в номере было пусто, а в открытое Викой окно поступал приятный свежий воздух. Трудности в работе подкрадывались, откуда не ждали. Он дал себе зарок гнать чертовку метлой и начал приводить себя в порядок.

Аппетит был волчий. Работники ресторана «национального питания» с умилением смотрели, как безымянный турист сметает все подряд: цыпленка по-гавайски в кокосовом молоке, аппетитные кусочки запеченной в земляной яме свинины. Недоверчиво уставился на преподнесенный официантом (в подарок от заведения) коктейль с феерическим названием «Гавайский фейерверк», заинтересовался составом этого «компота».

– О, не извольте беспокоиться, все натуральное, – затараторил официант. – Немного рома, ликера, ананасовый сок.

– Давайте лучше пиво.

Официант пожал плечами и принес запотевшую бутылку итальянского Birra Maretti.

В ресторане Павел и принял входящий звонок от Кошкина.

– Вот вы и с нами, – обрадовался сотрудник Интерпола. – Между прочим, вам звонили несколько раз. Нам бы так спать.

– Я пропустил что-то важное? – заволновался Туманов.

– Вердис пока на острове. Продолжаем играть в охоту на оленя. Два часа назад он выпроводил из номера даму, в данный момент нежится на пляже в двух шагах от синего моря и увлеченно говорит по телефону. Подойти и подслушать не представляется возможным – он косится по сторонам и волком смотрит на всех проходящих. Все, закончил разговор. Готовится к принятию морской ванны.

– Где вы?

– Каваки Бич, западная сторона. Эта часть побережья называется Маутау. Очень живописный пляж. Эдакая смесь черного и белого песка. В окрестностях Барабоа, кстати, три разновидности пляжей: такой, как в Маутау, черные пески и традиционные – с золотистым отливом. Пойдете направо от Маутау – будет золотистый, еще дальше – за городской чертой – уже черный...

– Ты сегодня один стараешься? – заметил Туманов. – А где твой брат-акробат?

– Да здесь он, – хмыкнул Кошкин, – эсэ-мэску стучит. Даже не слышит, что о нем говорят. У Сереги с дамой роман в письмах, видите ли. В общем, решайте, Павел Игоревич, вы с нами или нет. Мы, конечно, не можем надавить на вашу революционную сознательность...

Туманов появился на желтом пляже полчаса спустя – чувствуя себя полным кретином. Черные очки в пол-лица, желтая рубашка (любимый цвет сумасшедших), шлепал полосатыми вьетнамками, помахивал семицветной пляжной сумкой, да еще и пузо выставил – что, должно быть, помогало загадочно выглядеть в глазах девочек. Перед спуском на набережную произошел инцидент, оставивший неприятный осадок. Он шел по пальмовой аллее, когда мимо проехал открытый джип, остановился, и через вырезы, заменяющие двери, выгрузились двое упитанных европеоидов в полицейской форме. Сердце рухнуло в пятки, но Павел продолжал идти. Полицейские скрестили руки на груди и уставились не куда-нибудь, а точно на него. Он шел, а они смотрели. Туманов гадал – отвернуться, поздороваться? Не сильно ли он вчера набедакорил с Викторией? Что было? Он не должен буйствовать в пьяном виде. Но до этого он никогда не пил шампанское после ликера, а ликер – после кавы... Проходя мимо, Павел соорудил подобие улыбки. Полицейские не менялись в лице, провожали его глазами. И стояли, как болванчики, пока он не скатился по лестнице.

Вскоре Туманов позабыл этот странный эпизод. Занял участок поверхности земли – песка здесь было вдоволь, развалился в плавках на полотенце. Принимал горячую песочную ванну. Волны несли через отмель пенящиеся гребни. Бегали детишки в полосе прибоя. Людей на пляже было с избытком. И китайцев хватало, и корейцев, и белого брата, и даже чернокожих, которые и так загорелые, зачем им посещать пляж? Над головой шумела набережная, гремела музыка, гомонил народ, работали мелкие закусочные, сувенирные лавочки, мастерские, фруктовые ряды. Продавались одноразовые фотоаппараты для подводной съемки. В отдалении возвышалась глыба кондоминиума – основного поставщика пляжной публики. На волнах

покачивались серфингисты, сновали катаера и яхты. Павел лениво удивлялся – если на дальнем архипелаге такая толчея, то что творится на Оаху в окрестностях Гонолулу? Не зря тамошний международный аэропорт – самый загруженный в мире. Он нырнул в чистую, как стекло, воду, сплавал вразмашку до буйка, вернулся. Побрел по пляжу к веренице черных скал. Количество отдыхающих уменьшалось, местность была изрезана во всех плоскостях. Бухточка, утесы, нагромождения камней, сползающие в воду. В этих краях промышляли любители снорклинга. Несколько минут Туманов наблюдал за занятой сценкой. Толстый мальчишка лет семнадцати бросал в воду горсти собачьего корма из большой «экономной» упаковки. Прикармливал рыбу. Потом натягивал маску, заходил в море и лежал спиной вверх, всасывая воздух из трубки. Затем, весьма довольный, плыл обратно, снова разбрасывал корм, натягивал маску...

Туманов удалился в какую-то глушь. Мощные утесы, похожие на идолов с острова Пасхи, нависали над головой. В бухточке, защищенной от моря коралловым рифом, было тихо. Громкие камни загромождали пляж. Он бросил сумку на один из камней... и схватил ее, стал отряхивать. Весь камень был усеян мелкими быстроногими существами, похожими на привидения. Они носились, сталкивались, разбегались. Павел всмотрелся. По форме обыкновенные крабы, но такие крохотные и бегают с сумасшедшей скоростью. Он расположился на черном песке, натянул маску, купленную в пляжной лавочке, вошел в воду. Дно уплыло из-под ног.

Это было круче любого телевизора. Он нигде не видел подобной красоты. Вода была такой прозрачной, словно ее и не было. Юркие рыбки необычных расцветок шныряли стаями и поодиночке. Щетинились кораллы, покачивали метелками водоросли. Он медленно отплыл от берега и вдруг увидел под собой крутой обрыв. Он всматривался в черноту, но отмечал лишь смазанные тени, подрагивала рябь. Разобрало любопытство. Ну что ж, решил Туманов, заодно и потренируюсь, как долго смогу без воздуха. Он швырнул маску на берег, набрал воздуха и нырнул на дно...

Это было зрелище неопишущей красоты. Коралловый обрыв крутыми уступами опускался на дно. Кораллы покрывали актинии ярких расцветок, морские ежи. В физиономию уперлась крупная рыба, тарасила гляделки, шевелила жабрами – не рыба, а козел какой-то с глазами. Извивалось что-то любопытное и непонятное. Проплыла зеленая черепаха, лениво перебирая лапками. Павел коснулся ее рукой. Черепахе не понравилось. Она как будто перевернула плечами, сменила направление, отправилась в другую сторону. Проплыло что-то полосатое – похожее на жезл гаишника. Вдалеке зашевелился скат – огромный, плоский, как камбала, с плавниками, похожими на крылья...

Туманов вынырнул, хлебнул воздуха и опять ушел на дно. Сменил точку наблюдения. И снова онемел от изумления. Подводный пейзаж сменился полностью. Все вокруг было желтым, рябило, мельтешило. Подошла огромная стая мелких желтых рыбешек. Они плавали вниз головой, и это выглядело как-то сюрреалистично. Туманов продирался через них, как через плотный туман. Проплыло белое брюхо – он дернулся, видно, страх перед акулами генетическим образом сидит в человеке, но усмирил панику. Акулам в этих водах еды хватает, за много лет никого еще не съели, и вряд ли Туманов станет исключением. Зашевелилось что-то на дне – большое, белое, в черную крапинку. Мурена – один из редких тутошних хищников?

Он вынырнул, рассчитывая погрузиться еще раз. Но услышал телефонную трель и вразмашку поплыл к берегу.

– Вы становитесь каким-то недоступным, – упрекнул Кошкин. – Забыли, зачем сюда приехали? Ну что ж, мы не возражаем, можем и сами справиться. Вы где?

– На черном пляже.

– В вашу сторону идет Вердис. Он в синих шортах и канареечной рубашке, через плечо полосатая сумка. Сейчас он проходит желтые пески. Если вы уверены, что он вас знает, советуем напрячься. А если нет...

Ветер засвистел в голове. Павел швырнул телефон в сумку, натянул рубаху, очки. Размашистым шагом зашагал обратно – в людные места. Закончились черные пески, выросла баррикада из гладких окатышей, вылизанных зимними штормами. Он протиснулся между камнями и спустя минуту уже лавировал прогулочным шагом между голыми телами. Все, довольно испытывать судьбу. Забрался под обрыв, стащил рубаху, обмотал ею голову и принял расслабленную позу.

Новая составляющая пляжного пейзажа образовалась минуты через две. Субъект неторопливо шел по пляжу. Поначалу Туманов запаниковал – этот человек не был похож на Вердиса! Зачем он тащился сюда через весь земной шар?! Он видел Вердиса лишь однажды. Силуэт на фоне окна в замке Хельм. А потом сидел над его распростертым телом. Тот Вердис был смертельно бледен, с закрытыми глазами... Но быстро успокоился – определенное сходство все же просматривалось. За четыре месяца человек раздобыл, отпустил волосы, усы, щеки уплотнились, военная выправка пропала, а из расстегнутой рубахи выглядывало формирующееся брюшко. В «отчетный период» господина Вердиса хорошо кормили и избавляли от излишних волнений. «Зря вы так, Отто Карлович, – подумал Туманов, – толстый живот ведет к слабоумию».

Но глаза у светила «нейролингвистических» наук оставались настороженными. Он ошупывал короткими взглядами купальщиков и загорающих, в позе отмечалась напряженность. Почувствовав скользкий взгляд, Туманов широко зевнул, закрыл рот ладонью. Угрюмо посмотрел в спину уходящему человеку. Затем поднялся, побрел параллельным курсом, сделав знак мелькнувшему на горизонте Ордынкину.

Вердис протащился метров сто, посмотрел по сторонам, достал телефон. Почувствовал слезку? Или натура подозрительная? Разговор был коротким. Он бросил телефон в бездонный карман свисающих до икр шортов, вразвалку направился к тропе, взбирающейся на обрыв.

На дороге, петляющей между скалами и обрывом, состоялась встреча объекта с водителем припаркованного у обочины серебристого «Ниссана». Прочсть номер на таком расстоянии Туманов не мог (зрение на пятом десятке стало садиться), а подойти поближе побоялся. Стоял за пальмой, наблюдал. Встреча была короткой. Маленький гаваец с волосами до плеч выбрался из-за руля и что-то в течение минуты говорил. Вердис нахмурился, переспросил. Собеседник ответил. Кивнули друг дружке, расстались. Джип поехал в сторону аэропорта, а Вердис, не оглядываясь, зашагал по обочине в Барабоа. Возвращаться на пляж он, кажется, не собирался. Пикнул телефон в кармане.

– Он не заметил вас, Павел Игоревич? – Кошкин заметно волновался.

– Не трусь, – пробормотал Туманов. – Вопрос на засыпку, господа ищейки: вы уверены, что Вердис один? Не окажется напарника, идущего следом и проверяющего, нет ли за Вердисом слежки?

– Только теоретически, Павел Игоревич, – неуверенно ответил Кошкин. – Но вроде нет у него никаких напарников.

Эх, молодежь...

– Физиономия водителя?

– Впервые видим. Но номер мы списали, у нас тут, гм, монокуляр в рюкзачке...

– Ладно, ребята, я прогуляюсь за ним, а вы дублируйте. Заодно и проверим, не растерял ли я былую хватку...

Вердис возвращался в город. Настроение у объекта, похоже, поднялось. Он шел прогулочной походкой, помахивая рукой, ни разу не обернулся. Была отличная возможность покончить разом со всем – догнать, подсечкой отправить в кусты под обрывом, придушить... и спокойно наслаждаться отдыхом на Гавайях. А потом вернуться к Динке с чистой совестью и легкой душой. И плевать на то, что хочет Интерпол. Несколько раз он ускорял шаг. Но что-то тормозило, заставляло сбросить ход. А потом опять потянулась набережная, сновали люди...

Вердис двигался мимо торговых палаток, глядел по сторонам. Остановился у фруктового ларька, стал перебирать экзотические рамбутаны, личи, гуаву, папайю. Бросил в кулек несколько фруктов, сунул продавцу мятую купюру, двинулся дальше. Давка уплотнялась, Вердис лавировал в потоке, а Туманову, чтобы не потерять его из виду, пришлось пристроиться поближе. Торговля кипела. Местные «предприниматели» предлагали туристам сувениры из лавы вулканов, диковинные поделки вроде светильников из бамбука, фигурок из сушеных фруктов. Атрибуты национальной одежды – гирлянды из цветов. Из искусственных, из живых (первые – навсегда, вторые – до вечера). Гирлянды на голову – хоку, гирлянды на шею – леи. Симпатичная туземка, звонко смеясь, примеривала на голову Вердиса веночек из ярко-алых гибискусов. Поднесла зеркало к физиономии. Вердис задумался: папуас, римский патриций? В этот момент Туманов и почувствовал легкое защемление в мышцах под лопаткой.

Симптом, никогда не подводивший. Он резко обернулся. Кто же это, кто? Человеческие лица мелькали перед глазами. Беззаботные, праздные, смеющиеся. Раскосые, смуглые, большеглазые... Мелькнула недоуменная физиономия Ордынкина, отметившего сдвиги в поведении Туманова. Интерпол не отставал, держал под наблюдением обоих. «На хрена нам эта обуза?» – читалось на физиономии Ордынкина. Есть! Какой-то тип слишком быстро отвернулся. А в следующий миг скосил глаза, бросил взгляд украдкой. Так вот кто это такой! Один из пассажиров в самолете островных авиалиний! Неприятная физиономия, близко посаженные шныряющие глазки. Ростом не задался, средней комплекции, розовая рубашка с серыми слонами – такую в толпе и не заметишь. Зато приметная родинка на левой щеке, похожая очертаниями на остров Цейлон. Тип заметно заволновался, начал затравленно озираться, попятился. А Туманов уже начинал движение, разгребая локтями толпу. Возмущенно запищала белокожая туристка с цыплячьей шейкой. Павел отдал ей ногу. Пардон, мадам, фрау, донна или как вас там... Тип с родинкой повернулся и тоже начал движение поперек «течения». Туманов сделал знак моргающему Ордынкину: держи Вердиса, а у меня свои дела.

Тип с родинкой был проворен, лавировал между отдыхающими, а Туманов был сущий слон в посудной лавке. Двинул локтем низкорослого китайца, тот возмущенно потребовал объяснений. Какие тут объяснения? Он схватит этого типа! Вердис далеко позади, может, и не поймет, в чем дело. Павел почти бежал и чуть не задохнулся от злости, когда субъект каким-то ловким образом вывалился из толпы и юркнул в просвет между палатками. Туманову было не до кошачьей грации. Он зацепил лоток и даже не посмотрел, что там с него посыпалось. Буркнул «сорри», побежал. В спину летели экзотические ругательства, кто-то швырнул в него фруктом. Фрукт был мелкий, не авокадо, не папайя, урона не нанес. Павел мысленно отмечал, что ведет себя глупо, неразумно, становится центром внимания. Но злость гнала вперед. Он бросился в просвет между палатками, оттолкнул смуглого юнца, который тащил поддон с мохнатыми рамбутанами. Юнец не устоял, выронил ношу, а сам повалился на палатку, которая не выдержала – затрещала ткань, подломились распорки. Туманов был уже далеко. Перепрыгнул через ползучий кустарник, вылетел на тенистую аллею, обрамленную пальмами, завертелся. Рубашка со слонами удалялась в гущу городской жизни. Ее обладатель озирался, а увидев, что его опять засекли, прибавил шаг.

Туманов пропустил за ним, выбежал на проезжую часть, где не было прохожих и прочих тормозящих элементов. Подрезал велосипедиста, тот резко затормозил, успел отбросить ногу, чтобы не свалиться вместе с транспортом. Сплошные «факи». И где хваленое местное радушие? Павел смастерил умоляющий жест «вай» – дескать, весь раскаяние. Бросился дальше... и все, закончил движение. Полицейский джип плавно обошел по кривой и встал под углом к тротуару. Выгрузился полицейский в элегантной шляпе, выжидающе уставился на странного «прохожего». Второй остался за рулем, забросил локоть за спинку сиденья и с любопытством смотрел. Те самые! – чертыхнулся Туманов. Ну все, теперь привяжутся. Так и вышло. Тип

с родинкой перебежал улицу, скрылся за углом, увитым вьющимися цветами. Страж закона приподнял в приветствии головной убор.

– Мистер, у вас все в порядке?

– Прошу прощения, сэр, – пришлось остановиться и изобразить крайнюю степень возмущения. – У меня такое чувство, что господин, за которым я шел, украл у меня портмоне.

– Вы за кем-то шли? – полицейский посмотрел в ту сторону, где пропал тип с родинкой. Второй тоже повернул голову. – Простите, мистер, но вы не шли, вы бежали.

– Сэр, он тоже бежал...

– Но вы не уверены, что он украл у вас портмоне?

– Нет, я не уверен, но кто-то ведь это сделал...

– Вы только не волнуйтесь, мистер, ваше портмоне обязательно найдется. Успокойтесь, отдышитесь...

Абсурд расцветал махровым цветом. Стражей закона меньше всего волновало пропавшее портмоне. Их удивляло, почему мистер куда-то бежал, почему не обратился за помощью в полицию. Местная полиция – очень эффективная структура, благодаря ее действиям преступность на архипелаге Кеараколау изведена почти полностью. Скорее всего, мистер просто ошибся, забыл свое портмоне на пляже или еще где-то. А ведь они не случайно здесь оказались, прозрел Туманов. Они почти открыто издевались. Прикрывают этого типа? Он дрожал от злости. Но заставил себя успокоиться, не лезть на рожон. Павел даже улыбнулся и составил ответную речь в том духе, что никогда не сомневался в торжестве американской законности и неуклонном снижении преступности на американском континенте, а в особенности в пятидесятом штате. С мыслью догнать неприятного типа он уже простился, теперь следовало уберечь себя от прочих неприятностей. Он показал свой паспорт гражданина Украины, сообщил, что это государство – лучший друг Североатлантического альянса, куда по-прежнему входят Соединенные Штаты...

– Украина? – задумчиво покарябал шляпу полицейский, – никогда не слышал. Это карликовое государство в Европе?

– Не совсем, – признался Туманов. – На нашей территории стоят ракеты, нацеленные на Россию.

– О-о, – зауважал Украину коп и вернул документ.

– Я слышал про такую страну, – сказал второй полицейский. – Не знаю где, но там очень холодно.

На улице образовался небольшой затор. Водители старательно объезжали стоящую поперек дороги полицейскую машину. Никто не возмущался. Видно, правило для полицейских «где встал, там и парковка» работало и на Гавайях. Его помучили несколько минут. Полицейский объяснил Туманову, что поведение подобного рода в Барабоа не приветствуется («Они еще не знают, что я натворил на набережной», – подумал Павел), и по всем вопросам, связанным с утерей личных вещей, следует обращаться в полицию и только в полицию. Если господин с Украины хочет написать заявление о пропаже имущества, то можно подбросить его до участка. Мистер не хочет? Он уже не уверен, что у него пропала личная собственность? Всего вам доброго, мистер. Приятного отдыха.

Некоторое время Туманов плутал по узким переулкам не самого зажиточного района Барабоа, потом позвонил оперативникам Интерпола.

– Чего это вы такое отчудили, Павел Игоревич? – осторожно осведомился Кошкин. – Скучно жить стало? Решили побуяннить, чтобы веселее было? Знаете, мы очень переживали, что вы можете стать источником беспокойства, и, кажется, наши переживания...

– Не умничай, – буркнул Туманов. – За мной следили.

– О, мать святая... – Кошкин расстроился. – Вы уверены?

– Я знаю. Только не уверен, что приставший ко мне парень связан с Вердисом. Возможно, это другая организация.

– Дай-то бог... Черт, Павел Игоревич, из-за вас нам теперь придется форсировать операцию. А так хотелось покопаться в связях Вердиса...

– Как он там?

– Две минуты назад Вердис направлялся в свою «Ахабу». Ордынкин его пасет. Тарарам, что вы учинили, почти не произвел на Вердиса впечатления. Он даже не посмотрел, что там сзади происходит, лишь спросил у торговца, часто ли здесь ловят карманных воришек. Потом он выбрался с набережной, заглянул в одно из заведений на Грини-Грин. Но, видимо, не понравилось, вышел и кому-то позвонил...

– Сам позвонил или ему позвонили?

– Сам позвонил. Разговаривал спокойно, кивал – то есть обсуждал дела, в которых не видится проблем. Ордынкин пошел убедиться, что он в номере. А я стою на улице... Знаете, Павел Игоревич, вам лучше держаться от Вердиса подальше. Мало ли что. Мы свяжемся с Шандыриным, пусть решает, как поступать. Группа захвата уже газует в Хитроу...

– А поближе никого не нашлось?

– Не будем рассуждать о не нами писанных бюрократических правилах. Шли бы вы куда, Павел Игоревич, пока еще какая дурь в голове не поселилась. Посидите где-нибудь, съешьте бутылброд... – Шутка Кошкину понравилась, он засмеялся. – В общем, не мешайте работать. Только без обид, договорились?

Пристыженный, Туманов побрел к себе в отель. Обогнул тропический садик, разбитый у входа, сел на лавочку в тени азалии, стал ждать. Субъект с родинкой не появлялся. Видно, поумнел. Просидев полчаса, Туманов чертыхнулся, зашагал в номер.

В этот день Кошкин звонил еще дважды. Отчитался о нагоняе от Шандырина, о принятом решении форсировать операцию по задержанию Вердиса. С этим делом имеются определенные сложности. Вердис нужен Интерполу и спецслужбам живым, и придется волей-неволей информировать местную полицию. Этим займутся английские товарищи, они же и решат, как доставить Вердиса в Лондон, а задача московских товарищей – держать Вердиса под наблюдением до прибытия группы, сдать в заботливые руки и спокойно отбыть домой.

– Ага, уедешь тут спокойно, – проворчал Ордынкин, – такая жизнь кипит в раю, а нам – опять в заснеженную Россию, где вообще никакой жизни нет?

– Сейчас в России нет снега, – возразил Туманов.

– Зато серо, скучно и негигиенично, – отрубил Ордынкин. – Пошло оно все к той-то бабушке. Я бы еще поработал. В палатке турагентства, между прочим, записывали желающих взобраться на вулкан Мауна-Кеа – это на Большом острове. Неужели не побываем в жерле вулкана?

Ближе к вечеру они опять связались с Тумановым. Он сидел в заведении национальной кухни, которому начинал симпатизировать, доедал курицу с рисом и ананасами, поджидал бифштекс с бананами и потягивал мелкими глотками «пиратский» пунш – украшенную долькой лимона подозрительную смесь вина и рома.

– Группа МИ-6 уже в пути, – сообщил Кошкин. – Летят через Сан-Франциско. Их четверо. Командует отрядом суровых английских чекистов некто сэр Мильтон – известный человек на Воксхолл-Кросс, 85. Будут к ночи. Местную полицию должны известить. Копы не обрадуются, но съедят. Операцию решено проводить на рассвете – если не изменятся обстоятельства, – Кошкин хихикнул. – Задержанный, как видно, имеет право на сон. Ох уж эти абсурдные решения... Вселить эту братву придется к вам в «Черепяху» – в других отелях просто нет свободных номеров. Ордынкин забронировал номер. Один на всех, гм... Постарайтесь к ночи никуда не пропадать. Шандырин транслировал странную вещь – сэр Мильтон хочет с вами поговорить.

– Со мной? – уточнил Туманов.

– С вами... глубокоуважаемый сэ. Вы у нас законспирированный специалист по шпионажу и контрразведке?

– А что Вердис?

– А вот с этим типом мы чуть не опростоволосились, – Кошкин оживился. – Все нормально было, девочек и выпивку Вердис не заказывал, чинно провел сиесту. Потом куда-то намылился. Вылетел из гостиницы – я едва за пальму успел спрятаться. Кинулся на дорогу, стал ловить такси. Мы уж хотели предложить ему подвезти... но тут такси шныряют, как мухи. Прыгнул в машину, мы за ним – у нас «Чероки» арендованный. Он давай петлять по переулкам – и на причал. Такси бросил, зашагал к яхтам – а их там тьма-тьмущая. А есть такие посудины, которые можно нанять и поплыть, куда надо. Вроде такси. Он уже договорился с одним из местных мореходов, уже на борт шагнул. Мы думаем – все, труба. Возьмем такое же «такси» – он точно в море хвост учует. И тут у него телефон зазвенел. Ответил – вроде успокоился. Потом спросил по-английски: «Вы точно уверены, что он не испортит наши планы и мое присутствие потребуется только завтра?» Выслушал, спросил: «И сразу на Патикай – все в силе?» Кивнул, убрал телефон, извинился перед мореходом и потопал обратно с причала. Я за ним, а Ордынкин с мореходом перекинулся парой слов. Вердис просил доставить его на остров Манаун – это один из мелких островов тутошнего архипелага. Сорок минут езды. Кемпинги, маленькие гостиницы семейного класса. Много туристов.

– А что у нас на Патикае?

– А я знаю? – резонно отозвался Кошкин. – Про Патикай информации нет, кроме того, что это крупный остров архипелага Кеараколау. Нет там туристических удовольствий. Ладно, обошлось. Вердис в гостинице...

Неясное беспокойство не давало Павлу покоя. «Вы точно уверены, что мое присутствие потребуется только завтра?» Он не стал налегать на спиртное – допил «пиратский» пунш и воздержался от добавки, предложенной официантом. Чувство такта не позволило сразу уйти – нарисовались Айвар с Вией, устроились за соседним столиком и начали перелистывать стопку путеводителей.

– А вы знаете, Виталий, что из Барабоа курсируют экскурсионные яхты на Большой остров? – осведомился Айвар. – Одна из экскурсий предполагает восхождение на вулкан Мауна-Кеа, отдых на застывшей лавовой реке, а позднее – знакомство с заповедным лесом, где произрастают деревья охиа, мамане... – Айвар подглядывал одним глазом в текст, – редкая акация коа и древовидные папоротники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.